

авантюрная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

ГОРДОСТЬ
И ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Антон Валерьевич Леонтьев
Гордость и преступление
Серия «Авантюрная мелодрама»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43646235

Гордость и преступление:

ISBN 978-5-04-104654-5

Аннотация

Вика приехала в Лондон на свадьбу подруги, которая сочеталась браком с самым настоящим виконтом – пусть пожилым и некрасивым, но очень богатым. У Вики никогда не было столь амбициозных планов, она считала, что выходить замуж можно только по любви. Может, поэтому она безрассудно влюбилась в незнакомца, встреченного во время утренней пробежки в Гайд-парке. Кто на самом деле этот загадочный парень, девушка поняла, лишь когда фото их самозабвенного поцелуя оказались на первых полосах всех британских газет. Тогда она еще не подозревала, что это навлечет на нее смертельную опасность...

Содержание

Королева Виктория Великобританская	5
Конец ознакомительного фрагмента.	112

**Антон Валерьевич
Леонтьев**

Гордость и преступление

*Я уверена, что ни одна девушка не пошла бы к
алтарю, если бы знала все.*

© Леонтьев А.В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Королева Виктория Великобританская

– Как же я рада тебя видеть, Вичка! – раздался мелодичный голос.

Обладательница этого приятного контральто, изящная молодая светловолосая дама в черном брючном костюме, с эксклюзивным дизайнерским шарфом (тяжелая, золотой нити вышивка на королевской лазури) вокруг тонкой алебастровой шейки, Ирина, бывшая одноклассница, а позднее соседка по комнате в питерской общаге, встретила Вику, когда та выходила из лондонского кэба.

Когда-то, впрочем, *не так уж и давно*, всего каких-то пятнадцать лет назад, ну, может, чуть больше, они, родившиеся и выросшие в одном и том же крупном промышленном городе в Сибири и приехавшие после получения аттестата покорять столицу, хотя бы и *Северную*, были подруги неразлейвода. А *потом...*

Потом жизнь разбросала их в разные стороны. Ирину вот закинуло в один из самых дорогих лондонских районов, Пимлико, куда Вика и прибыла на такси из аэропорта Гатвик, приземлившись рейсом из Санкт-Петербурга.

Подруга, спустившись ей навстречу, дождалась, пока Вика расплатится с шофером, молодым бородатым смуглоли-

цым мужчиной в чалме, и достаточно холодно, однако вполне приветливо произнесла на изысканном английском, с аристократическим выговором, без малейшего намека на акцент:

– Благодарю вас, милейший, и желаю вам отличного дня!

Произнесла так, как, видимо, и должна была произнести невеста, а точнее, без пяти минут супруга британского виконта и, соответственно, *виконтесса*. Ведь именно за него, своего Фредди, девятого виконта Грейстока, Ирина и собиралась выйти замуж в ближайшие выходные: именно на это блистательное мероприятие Вика и была приглашена подружкой, поэтому и пожаловала в английскую столицу.

Дождавшись, пока водитель такси выгрузит чемодан Вики, а затем, пробормотав что-то нечленораздельное, отбудет восвояси, Ирина, на лице которой возникло скептическое выражение, но при этом не дрогнул ни единый мускул (явно влияние *уколов ботокса* – Вика не могла отрицать, что подруга, которую она не видела уже года три, а то и *все четыре*, выглядела очаровательно, свежо и очень, *очень* молодо, во всяком случае, намного младше своих подлинных *тридцати пяти*, однако стоила ли игра свеч, точнее в данном случае, конечно же, *шприцов*), пропела:

– Ах, у тебя всего один чемодан?

И только после этого обменялась объятиями, впрочем, *очень легкими*, с прибывшей из Питера подружкой.

– Ну, за второй бы пришлось платить дополнительно... –

произнесла Вика, откинув со лба темную прядь, и вдруг подумала, что ее фразу можно истолковать так, как будто у нее нет денег, чтобы заплатить за дополнительный чемодан.

Деньги-то у нее, успешной предпринимательницы в компьютерной сфере, владелицы целых *пяти* пусть и небольших, но прибыльных фирм, были, просто все дело в том, что нет, *лишний чемодан не понадобился*. Она взяла с собой всего один, хотя и более чем вместительный.

Однако Ирина уже поняла ее реплику по-своему и ответила:.

– Ах, Вичка, ну, конечно же, мы с Фредди за все бы заплатили! Мы же тебя пригласили!

Фредди – это и был жених, будущий муж и английский *виконт*. Кто такой виконт, Вика, светской хроникой никогда не интересовавшаяся, как, впрочем, аристократическими модами, имела представление весьма смутное, помнила что-то со времен детства из «Виконта де Бражелона» Дюма, но *не более того*.

Ирина и ее Фредди, который был не просто английским виконтом, а, помимо всего прочего, более чем *состоятельным* английским виконтом, являлся человеком *далеко* не первой молодости, с лысиной, крайне невыразительным лицом, двумя бывшими женами и то ли шестью, то ли даже восемью детьми.

Но, помимо этого, более чем щедрым: от Ирины Вика получила предложение приехать на продленный уик-энд

в Лондон, причем исключительно за их, приглашающей стороны, счет.

Вика тогда вежливо поблагодарила, однако отвергла подобную возможность: в Лондоне она, не особо путешествовавшая по миру, еще не бывала, и если уж решила ехать, то за *свой* счет.

И не потому, что деньги у нее, человека пусть и не богатого, но и далеко *не бедного*, были, а в том, что Вика по природе своей человек независимый и не любит, чтобы другие принимали за нее решения. Что, вероятно, и привело к тому, что к тридцати четырем годам она не была замужем, не имела постоянного (или даже *временного*) друга и еще не стала матерью.

А Ирина – и в этом Вика не сомневалась – пригласила ее, свою некогда закадычную подругу, вовсе не для того, чтобы вспомнить давно канувшее в Лету былое, а чтобы подчеркнуть свое феерическое *настоящее* и еще более ослепительное *будущее*.

То, что она выходит замуж за английского *виконта*, Ирина напоминала без устали. Как и о том, что виконт – это не просто мелкопоместный дворянин, какой-нибудь вам *баронет* (при слове *баронет* Вика вспоминала бывшего таковым сэра Чарльза Баскервиля, того самого, с чьей загадочной кончины в окруженном болотами родовом поместье и началась ее самая любимая детективная повесть), а аристократический ранг *намного* выше барона, но чуть – *буквально чуть!* – ни-

же графа.

А это не просто дворянство Соединенного Королевства, а *высшая* его каста. И к ней Ирина в скором будущем намеревалась принадлежать.

– Спасибо, – ответила ей тогда Вика. – Вы с Фредди очень добры, однако я уже давно хотела выбраться в Лондон. Да и тебя повидать тоже...

Первая фраза была правдой, *вторая*... Ну, не совсем чтобы и *ложь*, однако Вика понимала, что ее вызвали из Питера для того, чтобы она в полной мере могла проникнуться скоростью и высотой социального взлета подруги. Так что она решила, что Ирина, как и все, имеет право на свои *маленькие слабости*, и если подруге так важны все эти аристократические прибаамбасы и игры в даму из высшего общества, то она охотно будет исполнять отведенную ей роль.

Роль невзрачной, не самой красивой, уж точно не обладавшей тонким вкусом подруги из России, которая с *одним* чемоданом прибыла на свадьбу сезона новоявленной *виконтессы* Грейсток.

Виконтессы, чей муж по иерархическому дворянскому рангу выше барона, но – *совсем чуть-чуть!* – ниже графа. *Совсем-совсем...*

– Извини, мне надо было сначала в отель заехать, оставить чемодан там, однако у них заселение только с двух...

Вика, ничуть не стесняясь, называла вещи своими именами, а Ирина, которая на ее месте изобрела бы *совершен-*

но романтическую историю, отчего она прибыла в гости с чемоданом, хотя и намеревалась жить в отеле, всплеснула руками, и Вика заметила у нее на пальце огромный, сверкнувший нестерпимым блеском в лучах майского солнца треугольный камень, впаянный в массивную затейливую платиновую оправу.

– Ах, какие пустяки, Вичка! Ты, как всегда, такая непосредственная, такая прямая, такая свежая. И, поверь, это прекрасно! А то все эти знакомые Фредди, считающие меня, естественно, парвеню, к тому же парвеню из России, расточают сахарные комплименты, а за моей спиной говорят гадости и распространяют жуткие сплетни...

– Примерно как тогда *в питерской общаге*? – спросила не без иронии Вика, а подруга, снова всплеснув руками, произнесла:

– Не напоминай мне об этом! Этот период жизни *навсегда* остался в прошлом! Кстати, как тебе обручальное кольцо, которое подарил мне Фредди? Восемь и восемьдесят восемь сотых карата, южноафриканский бриллиант *чистойшей* воды! Три восьмерки – по-китайски апофеоз счастья и финансового благополучия!

Ирине не терпелось похвастаться этим, как прекрасно понимала Вика, дорогущим подарком. Невольно подумалось, что, видимо, Фредди выбрал сей солидный камушек не просто так, а по прямой наводке своей суженой, не задумывавшейся о том, что именно подобные выкрутасы, в том

числе три восьмерки, *апофеоз счастья и финансового благополучия по-китайски*, и делали ее в глазах представитель старинной британской аристократии *восточноевропейской парвеню*.

Наверное, скромное тонкое колечко из блеклого золота с крошечной жемчужиной, фамильная реликвия двухсотлетней давности, в гораздо большей степени заслужило бы одобрение английских друзей виконта, однако Ирине требовалось то, что соответствовало ее, *и только ее*, представлениям и вкусу.

А несмотря на то, что подруга обрела светский лоск, выглядела безупречно, одевалась в стильные туалеты и – всегда *крайне* способная к языкам – говорила по-английски не просто *без* малейшего акцента, но и с завораживающим выговором британской аристократии, она как была провинциальной девочкой из Сибири, *так ею и осталась*. И грядущая свадьба с виконтом изменить эту девочку из питерской общаги не могла.

Но, несмотря на все, Вика к подруге была привязана, хотя бы по причине, что больше у нее подруг, собственно, и не было: училась она в университете на техническом факультете, одна из немногих девушек и единственная на своем курсе продержавшаяся до диплома (в отличие от Ирины, которая была на лингвистическом и уже тогда мечтала выйти замуж за иностранца, причем не абы за какого, а за *богатого* и *родовитого* из Англии, что и осуществила каких-то пят-

надцать лет спустя). Потом Вика работала в компьютерной сфере, где тоже на фирмах – не считая секретарш и уборщиц – зачастую была единственной женщиной. Наконец основала свою первую фирму, и ее партнерами по бизнесу тоже были только мужчины.

Интересно, что романов у нее ни с одним из мужчин из окружения не было. Вика когда-то испытывала по этому поводу беспокойство, но давно поняла, что вышла замуж за свою профессию и за свой бизнес, чем была *весьма довольна*. Любовники у нее имелись, однако с ними она расставалась быстро и без сантиментов. О детях не думала, хотя в последнее время отделаться от вопросов родителей, когда же Вика подарит им внука, ведь ей *уже с гаком за тридцать*, становилось все сложнее и сложнее.

Она даже задумалась о том, чтобы оплатить услуги суррогатной матери, которая бы выносила ее ребенка от какого-нибудь безымянного белозубого красавца (хотя она бы сама предпочла молчаливого лысого астрофизика с уникальным уровнем интеллекта), однако дальше зыбких планов реализация идеи не продвинулась.

Тем более что Вика, вовсе не являвшаяся мужененавистницей, не исключала возможность, впрочем, *исключительно гипотетическую*, что рано или поздно все-таки встретит своего суженого, более того, такого, с которым захочет завести ребенка.

Но если и встретит, то *уж точно* не во время своего пре-

бывания в Лондоне и окрестностях на свадьбе Ирины с ее виконтом.

– Неплохой образчик метастабильной кубической аллотропной формы углерода, – произнесла Вика, оценив колечко подруги, и, подхватив спортивную сумку, служившую ей ручной кладью, примирительно добавила, не желая огорчать Ирину: – Точнее, я хотела сказать, что *выдающееся произведение ювелирного искусства*. Наверняка и у британской королевы такого нет...

Ирина важно кивнула и увлекла гостью за собой, к ступенькам городского особняка, явно старинного, с белым низом и верхом из поблекшего желтого кирпича, расположенного на тихой улочке между двух парков, Уорик-сквер и Эклстон-сквер. Около блестящей черной двери, на пороге, их встречала облаченная в униформу прислуга: женщина и мужчина азиатской внешности и неопределенного возраста.

– Чарли, позаботьтесь о том, чтобы багаж мисс Романовф был своевременно доставлен в отель, – распорядилась Ирина.

И снова повадки британской виконтессы, причем не по факту брака, а *по рождению*, и снова идеальный аристократический прононс.

– Ты в каком отеле остановилась? – спросила она Вику. – В «Савойе»? «Клэридже»? «Рице»?

Ирина перечислила самые знаменитые и одновременно дорогие лондонские отели. Причем сделала это по-англий-

ски. Вика, говорившая по-английски свободно (в компьютерной сфере это было базой общения), правда в его американском варианте, и уж точно в отличие от Ирины, *с явным акцентом*, ответила ей на русском:

– Тут, недалеко от вас, на одной из соседних улиц...

Вытащив мобильный из кармана спортивной куртки, она произнесла название, снова уловив на себе скептический взгляд Ирины:

– Ах, я о таком, признаюсь, *даже* и не слышала. Наверное, какой-то *трехзвездочный*, так ведь? Ну, мы если с Фредди останавливаемся, то только в пятизвездочных!

– Как выйду замуж за британского виконта, так тоже перемену свои привычки, – произнесла Вика, стараясь, однако, чтобы ее фраза звучала не колко, а всего лишь *иронично*.

Ирина, приняв ее высказывание за чистую монету, распорядилась:

– Чарли, не заставляйте мою подругу ждать! А вы, Мюриэл, уже можете подавать нам чай.

Весьма неохотно Вика отпустила ручку своего чемодана, наблюдая за тем, как ее багаж с ловкостью перехватил дворецкий Чарли.

– Они ведь не отсюда? – произнесла Вика вполголоса, поднимаясь за Ириной по ступеням и проходя в холл.

– Из Таиланда, – подтвердила громко подруга. – Тут вся прислуга цветная. Коренные британцы лучше на пособии будут сидеть, чем пойдут в услужение. А эти, дети бывших

британских колоний, расторопны, молчаливы и по-русски ни бум-бум!

– Таиланд *никогда* не был ничьей колонией, в том числе британской. Но ведь их зовут иначе, а не Чарли и Мюриэл? – пробормотала Вика, стыдясь расизма будущей виконтессы и наблюдая за слугами, которые, как трудолюбивые муравьи, выполняли распоряжения капризной хозяйки.

Ирина махнула рукой (вновь нестерпимо сверкнул южно-африканский бриллиант):

– Ах, у них какие-то ужасные имена и еще *более ужасные* фамилии, из сорока шести букв или что-то наподобие этого. Вот я и дала им типичные британские. Мне так легче, а цветным все равно. Им ведь за это хорошо платят.

Вику вновь покорило, с каким пренебрежением подруга отзывалась о собственной прислуге, а Ирина уже переключилась на тему выгодного замужества с представителями британской аристократии:

– Вичка, ты ведь мои мысли читаешь! Я в самом деле все думаю, как бы тебя пристроить. Конечно, виконты уже все разобраны, а графья женятся только на своих, но баронета или на крайний случай *просто лорда* тебе подобрать можно. Это джентри, мелкопоместное дворянство, ну, *низшая каста*, но зато у них в отличие от высшей аристократии, есть деньги. Те в основном все свои семейные состояния давно промотали, а если замок у них и есть, то старый, обветшалый, стабильно пожирающий все накопления.

– И к тому же с фамильным *привидением*, – добавила Вика. Ирина дернулась, явно не понимая сарказма подруги:
– Что? Какие еще привидения?

Вика, сочтя за благо не вдаваться в подробности и отметив, что старинный особняк смотрелся бы гораздо лучше, если бы его оставили в покое, в пыли, затхлости и серости, а не попытались бы набить *явно* стильными, *безусловно* красивыми и без исключения *крайне дорогими* вещами, вещичками и вещичками, все же не могла не отметить, что подруга играет роль, которую сама себе придумала и срежиссировала, безупречно.

Возможно, *слишком*, как-то даже *болезненно* безупречно, а лучшее, как знала по примеру своего бизнеса Вика, было врагом хорошего.

Наверняка того же мнения придерживалась и высокомерная британская аристократия. Точнее, ее *высшая* каста.

– А быть может, я хочу *герцога*? – произнесла Вика, располагаясь на обтянутом палево-желтым шелком диване.

Служанка Мюриэл в белых нитяных перчатках раскладывала крошечные сэндвичи, разливала ароматный чай в тончайшие чашки веджвудского фарфора с фамильными гербами виконтского рода Грейсток. Только было не время традиционного послеобеденного чаепития, а полдень.

Так и все в этом доме в фешенебельном лондонском районе: хозяин вроде бы виконт, но с образом жизни поп-певца. Супруга вроде бы виконтесса, но когда-то жевала в питер-

ской общаге бутерброды из батона с докторской колбасой. Прислуга вроде бы вышколенная и расторопная, с повадками потомственных английских дворецких, а родом из Азии.

– Или даже *принца крови*? – Вика продолжила подтрунивать над подругой, не замечавшей – или *не желавшей замечать* – ее иронию, уже переходившую в сарказм.

Наверное, подобное *британское* чувство юмора понравилось бы тем самым родовитым дамам, которые расточали Ирине улыбки, а за ее спиной шушукались.

Рука Ирины дрогнула, она *едва* не пролила чай себе на костюм и, хотя виновата была только она сама, тотчас сделала резкое, впрочем, произнесенное *крайне* сладким тоном, замечание служанке:

– Милая моя, в следующий раз будьте аккуратнее. А теперь можете быть свободны.

Когда несчастная Мюриэл, к которой будущая виконтесса относилась примерно так же, как *к ней самой* относились урожденные британские аристократки, безмолвно удалилась, Ирина, на лице которой возникло дежурное приветливое выражение, произнесла:

– Вичка, надо быть реалисткой: герцоги женятся на герцогинях. Ну, или графинях. Или хотя бы виконтессах...

Ее взгляд чуть затуманился, и Вика с легким недоумением подумала, не желает ли Ирина, побыв некоторое время виконтессой, затем подняться на новую иерархическую ступень и сделаться *герцогиней*?

Не исключено, что брак с краснолицым лысым виконтом Фредди – всего лишь первая часть гениального плана подружки по постепенному, но неуклонному вскарабкиванию по генеалогическому древу древнейших и родовитейших семей Британии.

– Виконт, уж не помню, говорила ли я это или нет, это хоть и ниже графа, правда чуть-чуть, но намного выше барона. Собственно, виконт – это искаженное вице-граф, *vice-count*...

И снова безупречный аристократский прононс и оттренированный – быть может, в *самом деле оттренированный*, причем перед *зеркалом* – чуть меланхоличный жест рукой.

– Говорила, – произнесла Вика, отправляя в рот уже второй крошечный сэндвич с божественным паштетом и тонко нарезанным огурцом. В отличие от Ирины, которая к сэндвичам не прикасалась, свято блюдя диету, она на такие вещи, как лишние калории, внимания не обращала, предпочитая закусить тем, *что* хотелось, и тогда, *когда* хотелось, а потом ранним утром пробежать лишние пять километров.

– *Говорила?* – Ирина в недоумении, словно не помня, что *в самом деле говорила*, посмотрела на нее и вновь красиво махнула ручкой. – Ах, о герцоге забудь, Вичка! Впрочем, тут недавно сын одного герцога женился на какой-то чешке, причем бывшей девочке по вызову, хотя бы и элитной, но сын не старший, то есть не наследник титула, а третий, так что высшее общество, *так и быть*, закрыло глаза на подобные

эскапады. А внук другого герцога женился вообще на мужике, причем на каком-то слащавом латиносе, – и представь, они теперь во всех великосветских салонах самые желанные гости, их даже на свадьбу принца Эдди пригласили...

Принц Эдди был внуком ее величества королевы Великобритании, сидевшей на троне уже без малого семьдесят лет, старшим отпрыском принца Уэльского, наследника престола, скорбно облысевшего и состарившегося в очереди за короной Британской империи.

– Правильно ли я понимаю, что ты завуалированно предлагаешь мне сменить ориентацию и выйти замуж за внучку герцога? – сказала Вика, поедая третий сэндвич и мимолетно размышляя, закрыло ли высшее общество, *так и быть*, глаза и на женитьбу виконта Фредди на Ирине. Пора бы и остановиться, но сэндвичи, *черт побери*, такие вкусные! – Только вот южноамериканских корней у меня нет, думаешь, не станет ли это помехой?

Это была уже не *ирония* и даже не *сарказм*, но Ирина, стараясь на полном серьезе устроить матримониальное будущее подруги, этого не замечала:

– Ах, Вичка, тебе нужен хороший молодой аристократ. Тебя бы немного в порядок привести, отбоя от женихов не будет.

Вика даже немного обиделась: что значит, *в порядок привести*? Она и так в полном порядке. А если порядок означало, как у Ирины, уколы ботокса и изнурительные занятия с

персональным тренером, то такое ей *не требовалось*.

– Есть у меня на примете один лорд... Правда, не первой свежести, но богат. И, как ты, жутко умный. Ему нужна жена, которая может поддерживать все его ученые разговоры. Хочешь, познакомлю?

Вика, со звяканьем ставя чашечку на блюдечко, заявила:

– Нет, лорд – это как-то мелко! Герцога хочу! Или, как я уже сказала, *принца крови!*

Ирина, все еще не осознавая, что подруга элементарно ее троллит, заявила:

– Вичка, о герцоге придется забыть. А принц крови – это вообще термин континентальный, а не британский. Ты имеешь в виду отпрысков королевского семейства? Ну, таких принцев сейчас только два, причем один, принц Эдуард, он же герцог Оксфорд, старший внук ее величества королевы, женат на этой ужасной Кэролайн...

– Так если он принц, то как он *одновременно* еще и герцог? – спросила Вика, а подруга закатила глаза.

– Вичка, принц он по рождению, потому что сын наследника трона и внук королевы. А титул герцога ему присвоила бабушка в день свадьбы – в королевском семействе так заведено. Когда он станет королем, что рано или поздно случится, ведь бабушке уже под сто, а отцу, Уэльсу, восьмой десяток, то его герцогский титул вернется к короне и он сам сможет его дать кому-то из своих сыновей!

– А почему Кэролайн ужасная? – спросила Вика, имев-

шая более чем поверхностное представление о супруге принца-герцога, старшего внука королевы: подобные истории ее никогда не занимали, да и времени на них – *с учетом пяти фирм* – просто не было.

– Гордячка, зануда и карьеристка, которая все усилия приложила, чтобы выскочить за наследника престола! – выпалила Ирина, и Вика подумала, что именно такими словами ее подругу характеризовали сплетницы из высшего британского общества.

Ну, разве что не за наследника престола выскочила, а за *виконта*. Того самого, который *намного* выше барона, но *чуть-чуть* ниже графа.

– И вообще, не люблю я ее, не понимаю, отчего от нее все в таком диком восторге и считают законодательницей мод! Да, фигура отличная, но у меня не хуже! И вообще, не хочу о ней говорить!

Переведя дыхание, подруга продолжила:

– Ну, есть еще и его брат, младший сын принца Уэльского, принц Джоки. Развеселый, разбитной, тот самый, который как-то голый в бассейне с девицами в Лас-Вегасе плескался и на костюмированную вечеринку со свастикой на рукаве заявился. Правда, это уже давненько было, он уже не мальчик, за тридцать, но все еще неугомонный. То в Афганистане солдатом служил, то пешком в Антарктиду отправился. Парню явно не хватает твердой женской руки...

Ирина с полуулыбкой (на *большее* ее замороженная бо-

токсом лицевая мускулатура способна не была) посмотрела на Вику, а та, заслышав шум в прихожей, ответила:

– Ну, может, и *мужской*. В наше толерантное время никогда не знаешь наверняка. Ты же сама говорила о внуке герцога, который на знойном латиносе женился...

Разговор оборвался, потому что в гостиную вошел низкий приземистый субъект лет шестидесяти, с бритой лысой головой и красным бульдожьим лицом. Это и был Фредди, он же девятый виконт Фредерик Грейсток.

Тот самый, что *намного* выше барона, но *чуть* ниже графа.

Это в *переносном* смысле. А в *самом* прямом, как отметила Вика, суженый ее подруги был невысок и едва доставал ей до плеча, и это при том, что Ирина, как отметила Вика, носила обувь на плоской подошве, хотя раньше обожала высоченные каблуки.

Наверняка чтобы не усиливать и так *слишком явный* контраст между собой и виконтом. Иначе он тогда в одночасье стал бы не только ниже графа, но даже ниже *баронета!*

Улыбнувшись этим мыслям, Вика подала виконту руку, а тот приветствовал ее крепким рукопожатием и на неплохом русском смачным матерным выражением, причем весьма сложным и несколько архаичным, громогласно переходя потом на певучий аристократический английский:

– Я ведь правильно поставил ударение? Ах, не хотел вас шокировать, Викки! Не думайте, что все дворяне в Британии

такие пошляки. Просто я самостоятельно учу русский – требуется для общения с тамошними партнерами по бизнесу. А они такие выражения любят. Если переговоры зашли в тупик и уже думаешь, что твои русские партнеры отрежут тебе голову, то стоит произнести нечто такое с добродушной улыбкой потомственного аристократа, как это сразу растопит лед, и все пойдет как по маслу. Чего не сделаешь для хорошей сделки, в особенности сейчас, во времена брекзита!

Он расхохотался, снова произнес по-русски что-то непотребное, и Вика заметила, как поморщилась Ирина, такой лексики явно не одобрявшая. Что же, британский виконт вел себя как мелкий урка, а девочка из Сибири, жевавшая в питерской общаге батон с докторской колбасой, была *в любой момент* готова выйти замуж за герцога.

Кажется, Вике предстояли *занимательные* лондонские каникулы!

Вика любила выходить на пробежку ранним-преранним утром: в другое время суток это было бы невозможно. В ее новом родном городе – Питере в особенности приятно было совершать полезный моцион летом, в период белых ночей, набережными по Васильевскому, а потом Петровскому острову, когда ей попадались утомленные группки туристов, которые брели в отели после бессонной ночи, и первые, особенно рьяные, жители Северной Пальмиры, спешившие на работу.

А в холодное и темное время года она наматывала кило-

метры на беговой дорожке в своей квартире с видом на Неву.

Середина мая в Лондоне была на редкость теплая и солнечная, светало рано, и Вика решила своей привычке не изменять. Тем более она хорошо выспалась (благодаря благодатной разнице аж в целых три часа!) и чувствовала себя совершенно отдохнувшей, и это несмотря на бурный и крайне интересный вечер в лондонском пабе с достаточно большим количеством алкоголя в компании Фредди и Ирины, а также нескольких друзей виконта. Взглянув на часы и удостоверившись, что по местному времени пять минут шестого (а по питерскому – пять минут девятого), она решила сжечь вчерашние – или даже уже частично *сегодняшние* – ненужные калории и, приняв душ, быстро оделась, и, прихватив свой смартфон и наушники, вышла на пробежку.

Топографию Лондона Вика, всегда тщательно готовившаяся к отпускным поездкам, которые за последние десять лет можно было пересчитать по пальцам *одной* руки, причем задействуя *далеко не все* пальцы, изучила заранее, да и *трехзвездочный* отель, оказавшийся хоть и небольшим, но крайне уютным, выбирала так, чтобы оттуда можно было без особых проблем добраться до располагавшегося неподалеку Гайд-парка.

Оказавшись в парке через десять минут быстрой ходьбы, послужившей разминкой, Вика, вставив наушники и включив на смартфоне начитку спорного научного бестселлера о возможности путешествий во времени при помощи «черных

дыр», затрусил по дорожке.

Зрительная память у нее была отличная, пульс в норме, настроение по причине разливавшегося над британской столицей золотистого солнца великолепное, однако Вика никак не могла сконцентрироваться на книге.

Отчего-то в голову лезли обрывки вчерашних разговоров. И не давала покоя попытка Ирины свести ее если не с пожилым лордом, которому требовалась жена «синий чулок», так с отправившимся с ними вчера в паб средних лет американцем Майклом, который уже больше сорока лет жил в Лондоне: хоть и без титула, он был более чем обеспеченным инвестбанкиром, увлекавшимся к тому же теорией струн, о чем они и проговорили с Викой весь вечер.

А когда американец отправился на улицу, дабы перекурить, Ирина, подбравшись к подруге, зашептала на ухо:

– Майкл от тебя без ума! Мне даже Фредди уже все уши прожужжал, что таким его еще никогда не видел. Знаешь, сколько у него денег? Не меньше полумиллиарда – *в фунтах!* Отличная партия, просто отличная! И что главное, не женат и не был, и без детей – Вичка, надо брать!

Вот это общаговское «*надо брать!*» и претило Вике больше всего. Поэтому, когда Майкл, на редкость быстро вернувшись, продолжил научную дискуссию, а потом его рука словно случайно скользнула ей на коленку, Вика, сбросив потную длань инвестбанкира с состоянием в никак не меньше полумиллиарда *в фунтах*, извинилась, сказала, что устала

из-за перелета и что ей пора. И, отвергнув попытку банкира Майкла проводить ее до отеля, покинула паб.

Нарастившая скорость, Вика скользила взглядом по немногочисленным ранним спортсменам и думала о том, что Ирина, быть может, даже и права. И что *надо брать!*

И не потому, что у Майкла полмиллиарда – на это как раз ей было глубоко наплевать, хотя Ирина никогда бы ей не поверила, более того, никогда бы не поняла: как это – *наплевать на полмиллиарда фунтов*, которые могли примирить ее с отсутствием у уроженца Айова-Сити Майкла дворянского титула. Тем более что не требуется сразу заключать брак, а если и заключать, то наверняка с брачным договором, по которому ей ничего никогда не достанется...

Вика и не хотела, чтобы доставалось. Просто впервые за долгие годы, вероятно, даже за все время, в ней проснулся интерес к человеку, к собеседнику, к мужчине. Не краткосрочный, а, кажется, долгоиграющий и основанный на странном, внезапно возникшем в районе солнечного сплетения чувстве, которое вполне может оказаться тем, во что она не верила, над чем смеялась, что отвергала и существование чего подвергала сомнению...

А что, если это *люб...*

Резкий удар в грудь, в это самое солнечное сплетение, чуть не сбил Вику с ног – она, задумавшись и замечтавшись из-за мужчины (чего с ней *никогда ранее не происходило!*),

совершенно не следила за дорогой и налетела на стоявшего спиной к ней на обочине дорожки и завязывавшего шнурок на ботинках субъекта в темно-синем спортивном одеянии.

Вскрикнув от боли, Вика замерла, спортсмен обернулся, и она заметила перед собой конопатое лицо с густой рыжей бородой и пронзительные серые глаза.

– Извините... – пробормотала Вика, только затем осознав, что произнесла это по привычке, конечно же, по-русски. И затем быстро перешла на английский: – Извините, *сэр*. Я задумалась, не увидела вас. Мне очень жаль...

Пристальный взгляд пронзительных серых глаз, который впери́л в нее бородач (далеко не старый, как поняла Вика, вероятно даже, *молодой* еще парень, просто выглядевший из-за растительности на лице старше своих лет – против бород Вика ничего не имела, тем более в компьютерной сфере почти у всех, с кем она имела дела, присутствовал подобный мужской «аксессуар»), чуть смягчился.

– Это я, мэм, прошу меня извинить. Завязывал шнурки прямо на дорожке, это неправильно. Просто в этот час, тем более в субботу, здесь мало людей. Вот и привык, что...

– Что никто на вас не налетает? – спросила Вика, продолжая растирать грудь.

– Вам больно? – осведомился бородач, заметив ее жест. – Как вы себя чувствуете? За грудиной боли нет?

Вика покачала головой, а бородач, снова извинившись, быстро кивнул двум атлетическим типам, которые размина-

лись неподалеку и *явно* планировали к ним присоединиться. Те, заметив его знак, продолжили гимнастику, впрочем, не сводя с них взгляд.

Вике сделалось не по себе. Впрочем, чего она могла бояться в самом центре британской столицы – уж явно не этого бородача. А вдруг это *маньяк*?

– У меня имеется образование армейского санитаря. Так что, если вам требуется медицинская помощь... – произнес он, но Вика снова покачала головой:

– Нет, спасибо. Со мной все в порядке...

Она вдруг заметила, что на внешней стороне ладони бородача выступила кровь.

– У вас рана?

Бородач, посмотрев на ладонь, спрятал ее за спину.

– Ничего страшного...

– Ах, я вас толкнула, и вы ободрали кожу о камешки на дорожке. Мне очень жаль...

– Ничего страшного, поверьте мне. Я это переживу.

Ну и разговор, *как будто из видеурока!*

Вика чувствовала некую скованность со стороны бородача. Ну что же, если все хорошо, то пора разойтись и продолжить пробежку. Ну, или завершить и вернуться по домам. Однако странно, что ни он, ни она не делали это, продолжая стоять и смотреть друг на друга.

За грудь у Вики вдруг что-то защемило, а она инстинктивно поднесла руку, и бородач произнес:

– Нет, вам все же надо обратиться к врачу. Хорошо, что тут рядом один имеется. . .

Он кивнул атлетической парочке, и один из типов, подойдя к ним, получил от бородача лаконичную инструкцию «помочь леди».

Именно что *получил инструкцию* – дружелюбным ровным тоном, но от этого не менее безапелляционно.

Тип принялся мерить ей пульс, а Вика, терпеливо позволив сделать это с собой, все же вырвала у него из рук свое запястье и сказала:

– Уверяю вас, все *в полном порядке*.

– И все же. . . – Бородач явно не желал сдаваться.

Но Вика, одарив его ледяной улыбкой, ответила:

– *Сэр*, мне не хочется причинять вам и вашим друзьям лишние неудобства. Повторяю, *со мной все в порядке*.

Странно, но за грудиной что-то продолжало ныть – нет, это была не боль, а что-то другое.

Другое?

Бородач снова вперил в нее взгляд узких серых глаз, словно пытаясь безмолвно переубедить ее, заставить изменить решение, а потом, усмехнувшись, произнес:

– Да, *мэм*, безусловно. Прошу прощения. . .

Атлетический тип медленно вернулся к своему собрату и продолжил разминку, демонстративно наблюдая за ними.

Вроде бы все сказано, и ситуация давно сделалась странной, однако ни он, ни она не стремились завершить ее.

– Вы из России? – спросил вдруг бородач, и Вика, усмехнувшись, подумала, что языковыми способностями Ирины, говорившей по-английски без малейшего акцента, она *явно не обладает*. Как, впрочем, и девяносто девять процентов населения планеты Земля.

Она молчала, а бородач, по-мальчишески чуть порозовев (что ему удивительно шло – при этом его уши налились багрянцем), быстро произнес:

– Конечно, вы можете быть и из иной страны, где в ходу русский. Ну, или даже из Америки, имея русские корни. Или опять же не только русские...

Он явно сбился, отчего-то смутившись, а Вика прямо в лоб спросила:

– Это мой акцент выдает во мне русскую?

Бородач покраснел еще больше и заявил:

– Ну что вы, акцента *почти* не заметно...

Вика усмехнулась:

– Я знаю, что это не так. Однако благодарю вас, *сэр*, за комплимент. Вы *очень добры*. – И, не желая, чтобы бородач счел ее гордячкой, быстро добавила: – Почти не заметно, но вы все равно распознали?

– Отнюдь. Просто когда вы на меня натолкнулись, ваша первая фраза была на русском.

– Вы говорите по-русски? – спросила Вика сначала на английском, потом на русском, а бородач улыбнулся, и девушка отметила, что улыбка у него крайне привлекательная, теп-

лая, такая *добрая*. И не вязавшаяся с пронзительным взглядом узких серых глаз.

– Нет, могу по-испански, по-французски, немного по-немецки и по-голландски, совсем чуть-чуть по-шведски, ну, еще кое-какие фразы на китайском, на фарси, ну, и на русском *тоже*...

– А вы полиглот! – заявила Вика, на что бородач как-то мрачно кивнул и пробормотал без тени улыбки:

– Положение обязывает...

Вика, не понимая, что он имеет в виду, но все еще не желая прерывать эту затянувшуюся случайную встречу, сказала:

– Вы же, если мне будет позволено проявить свои лингвистические знания, говорите на английском, как... *как виконт!*

Заметив, как вздрогнул бородач, Вика *не без удовольствия* добавила:

– Ну, или даже как *герцог!*

– Значит, вы... – Лицо бородача сделалось неприступным, однако он смолк, явно над чем-то размышляя, и произнес тоном помягче: – Значит, вы из России?

– Да. Приехала на свадьбу подруги. Она завтра выходит замуж за виконта.

Лицо бородача расслабилось, и он снова сделал непонятный знак головой двум атлетам.

– Ваши приятели? – спросила Вика и вдруг поняла, что

вторгается своим вопросом в интимную сферу. А что, если в самом деле друзья – причем оба, причем вовсе *не только* приятели?

– Можно и так сказать... – На лице бородача мелькнула усмешка. – Иногда мне кажется, что это мои спутники жизни...

Ага, *так оно и есть!* Виконт или даже граф, который любит *тоже* виконтов или даже графов. Ну, или, судя по рабоче-крестьянским физиономиям беспокойно взиравших на них и – кто знает? – *ревновавших* к ней атлетов, бритоголовых мужичков из британского народа.

Что же, в добрый, что называется, *путь*.

– Мне пора. Извините еще раз! – Вика сказала это, однако отчего-то осталась стоять.

Сама не зная *отчего*.

Ее взгляд снова упал на саднящую рану бородача.

– Вам ведь больно? – спросила она участливо.

– Больно, как мне пришлось узнать на войне, понятие растяжимое, – ответил он. – Однако нет, не хочу смущать вас подобными фразами – мне совсем не больно.

И он снова улыбнулся.

На войне? Интересно, на какой, если, конечно, это не просто неудачная шутка, а правда. Однако Вике казалось, что бородач отнюдь не шутит. Значит, он в самом деле воевал – только когда, где и с кем?

Спрашивать об этом было неудобно, и только сейчас до

нее дошло, что она даже не знает имени случайного собеседника.

– В России в таких случаях говорят: «До свадьбы заживет».

– *Как-как?* – переспросил бородач и рассмеялся. – До свадьбы?

Интересно, а он женат? Вика, никогда ранее не задававшаяся подобными вопросами в отношении своих знакомцев мужского пола, вдруг поняла, что непременно желает узнать ответ на этот вопрос.

Тут ее взгляд опять упал на бритоголовых атлетов, и она, засовывая мобильный в нагрудный карман, произнесла:

– Не намерена более вас задерживать.

Она сделала паузу, и, как ей показалось, бородач тоже хотел что-то произнести, возможно даже, спросить, однако вопроса не последовало. Тогда она взяла инициативу в свои руки:

– А как вас зовут?

Кажется, эта банальная фраза привела бородача в некоторое замешательство. Прошло несколько секунд, и Вика, так и не получив ответа, поняла, что лучше всего развернуться и уйти.

– Пит. То есть Питер... Меня зовут Питер, – сказал он и, улыбнувшись, произнес: – А могу ли я узнать вашу фамилию, мисс?

В этот момент к нему приблизился один из атлетических

типов и, ничего не говоря, протянул мобильный телефон.

– Извините, мне надо принять этот звонок... – произнес бородач по имени Питер и, отойдя на пару метров в сторону, поднес мобильный к багровому уху.

Вика, заметив на себе испытующий, даже какой-то *недовольный*, видимо, действительно полный *ревности* взгляд бритоголового атлета, постояла несколько мгновений, посмотрела в спину Питера, который продолжал говорить по телефону, и, махнув бритоголовой рукой, затрусила по дорожке в обратном направлении.

Причем сделала это небыстро, хотя, конечно же, и не слишком медленно, во всяком случае с такой скоростью, которая бы не помешала бородачу Питеру при желании нагнать ее.

При желании.

Ее так и подмывало обернуться, хотя бы случайно, но в действительности, конечно же, *никак не случайно*, чтобы посмотреть, чем он занят.

Все еще говорит по телефону, не замечая того, что она *по-английски* (удачная метафора в Гайд-парке!) отбыла восвояси? Болтает со своими бритоголовыми «спутниками жизни». Или...

Или, прекрасно заметив, что она затрусила прочь, вместе со своими бритоголовыми «спутниками жизни» побежал в противоположном направлении.

Силой воли подавив в себе все нарастающее желание

обернуться, Вика на бегу вынула из кармашка мобильный, желая продолжить слушать книгу о путешествиях во времени по «черным дырам». И вдруг обнаружила, что наушников-то нет.

И вспомнила, что вместе со спортивными перчатками положила на траву около того места, где натолкнулась на бородача Пита.

И, уходя *по-английски*, элементарно забыла их прихватить. Ну не возвращаться же теперь!

Чтобы не позволить внезапному порыву взять над собой верх и *все-таки* не устремиться к перчаткам, наушникам и бородачу Питу, Вика ускорила темп, через минуту выбежала из парка и, затрусив по лондонским улицам, направилась обратно в отель.

О столкновении – не в переносном, а в совершенно прямом – смысле с бородачом Питом, судя по выговору, представителем аристократических кругов, вероятно, *виконту*, а, кто знает, быть может, даже и *графу*, Вика никому не рассказала. Тем более что в пышном, но весьма безвкусном спектакле под названием «Бракосочетание с виконтом» ей отводилась хотя и почетная, но третьестепенная роль.

Когда Вика, приняв в отеле душ, позавтракав и даже успев побывать у расположенного неподалеку Букингемского дворца, к полудню пожаловала в особняк Ирины и ее Фредди, то обнаружила там вновь прибывших гостей: ма-

тушку Ирины, ее старшую разведенную сестру, младшую незамужнюю кузину, а также трех подруг, Вике незнакомых, потому что они были из московского периода жизни Ирины после окончания университета, когда их пути разошлись. Остальные женщины в отличие от Вики не отказали себе в удовольствии воспользоваться щедротами виконта-матерщинника и прибыли все вместе на частном самолете прямым из Первопрестольной.

Вика даже была рада тому, что могла затеряться в галдящей, встревоженной, постоянно возбужденной толпе дам разного возраста. Фредди, несмотря на субботний день, отбыл сначала в офис, а потом на ленч с *крайне важным и очень богатым* клиентом откуда-то с Ближнего Востока, так что весь особняк был в полном распоряжении Ирины и ее гостей.

Забившись в самый угол софы в зале, Вика, купившая себе новые наушники, продолжала слушать бестселлер о путешествии во времени по «черным дырам», наблюдая за тем, как, подобно пестрым декорациям в театре, скорее не драматическом, а *музкомедии*, перед ней сменялись русские гости, что-то советовавшие невесте, что-то требовавшие от сбившейся с ног прислуги, что-то не поделившие между собой.

Довольная тем, что к ней никто не пристаёт и о ней попросту забыли, Вика слушала увлекательную начитку, то и дело, однако, ловя себя на мысли, что пропускает целые абзацы, а то и страницы.

И дело было вовсе не в банкире Майкле, который занимал ее мысли утром. А в бородаче Питере, с которым она столкнулась этим же утром в Гайд-парке.

Вопросы возникали разнообразные, и ни на один у нее не было ответа.

Сколько ему лет? Где он воевал? Чем он занимается? Даже: понравилась бы ему книга, которую она пытается слушать? Ну и несмотря на все: он *в самом деле* предпочитает общество бритоголовых атлетов?

Поэтому Вика была даже благодарна, когда невеста, наконец-то соизволившая собраться (и облаченная в нечто дизайнерское золотисто-бирюзовое), заявила, что они отправятся на ленч в «Хэрродс».

Возражать смысла не было, и Вика, включившись во всеобщую суету, однако не принимая в ней деятельного участия, уселась в длиннющий розовый «Кадиллак» и даже позволила налить себе в бокал шампанского.

– За тебя, Вичка! – провозгласила невеста.

Но Вика поправила ее:

– Нет, конечно же, за тебя и за Фредди!

– Ах, Фредди! – произнесла странным тоном Ирина. –

Мой британский виконт...

«*Чуть* ниже графа, но *намного* выше барона», – пришло на ум Вике.

– Фредди теперь никуда не деться, так что надо подумать о тебе! Майкл ведь подходящая партия, не так ли? Ужас-

но, просто умопомрачительно богат! Правда, *без титула*, но деньги это с лихвой компенсируют!

– Можно ведь потом с ним развестись, оттяпать половину состояния и подыскать себе кого-то *с титулом!* – вставила то ли подруга, то ли кузина.

Женщины дружно засмеялись и принялись бурно обсуждать преимущества выгодного развода, кто-то поинтересовался, сколько же оттяпала бывшая супруга одного российского олигарха, чей бракоразводный процесс недавно рассматривался в лондонском суде, и Ирина, знавшая обо всем в деталях, принялась с наслаждением объяснять.

Вика вздохнула с облегчением: скользкая тема Майкла была забыта.

К вопросу о Майкле Ирина все же вернулась после ленча, когда они, прогулявшись по магазинам и потратив с кредитной карточки Фредди *головокружительную* сумму, возвращались на все том же розовом «Кадиллаке» обратно в особняк виконта.

– Он ведь отличная партия! – наступала Ирина. – Не стоит теряться, Вичка. Потому что такие на дороге не валяются.

Дипломатично удержавшись от ответа, где же они *тогда* валяются, Вика отрицательно качнула головой. Ирина, будучи уже несколько навеселе, приобняла ее.

– Ну чем тебе он не нравится? Ну, не красавец, это верно, однако ведь богат до чертиков. Скажу тебе по секрету: не будь у меня моего Фредди, я бы положила глаз на Майкла!

Никакой речи о любви, взаимной симпатии или хотя бы об общих интересах, как с унынием отметила Вика, не было и в помине.

– Ну почему нет? – удивлялась Ирина, а потом вдруг уставилась на подругу. – Господи, да ведь ты уже с кем-то познакомилась! Ведь так? *Ну ты, тихоня, даешь!*

Отрицать очевидное было бессмысленно, и Вика кивнула.

– Ну, говори, кто он? Тоже банкир? Успешный, с собственным инвестиционным фондом? Хотя ты на это не ведись, фонд и в трубу может легко вылететь, а муженек лет на сорок пять отправиться за решетку по причине грандиозных финансовых манипуляций.

Вика пожалала плечами.

– Что, не знаешь, чем он занимается?

– В армии, кажется, служил... Ну, или служит...

Ирина взвизгнула:

– О, Вичка, а ты из разряда «А я люблю военных, красивых, здоровенных»? Он кто, генерал, адмирал или какая-нибудь шишка из их спецслужб? Впрочем, с последними связываться не стоит, только лишние проблемы будут...

– Не думаю, что у него какое-то высокое звание, – ответила Вика. – Он воевал, наверное, судя по возрасту, в Афганистане.

Ирина разочарованно протянула:

– Значит, не вдовий генерал с родовым поместьем в Хартфордшире или не холостой среброволосый адмирал с тет-

кой-герцогиней из Шропшира? Получается, обыкновенный солдатик без роду и племени? Ну, *хотя бы с титулом?*

Вика снова пожала плечами и сообщила, что, *насколько она может судить*, ее знакомый говорит с аристократическим прононсом.

– Жаль, что я его не слышала, я бы тебе сразу сказала, кто он, какой-нибудь завалиющийся баронет или ослепительный маркиз! Но, судя по тому, что ты рассказываешь, Вичка, это пятый сын какого-нибудь мелкопоместного провинциального лорда, со светским лоском, но без гроша за душой, зато со стервозной амбициозной маманей, желающей выдать его за внучку ее величества королевы.

Вика украдкой посмотрела на мамашу самой Ирины, облаченную в шикарное платье оранжевого колера, слишком для нее маленького размера, с качавшимися в мочках ушей огромными, переливающимися камнями, и сложной, походившей на Пизанскую башню прической, верхушка которой упиралась в потолок «Кадиллака».

Вика опять пожала плечами, а Ирина даже рассердилась:

– Ты, выходит, ничего о нем не знаешь! Как же тогда можно заняться *стратегическим планированием*, Вичка!

– А им занимаюсь в бизнесе, а не в личной жизни, – парировала Вика.

Ирина, взглянув на нее с явной жалостью, заявила:

– *И зря!* Если бы не титул у него узнала, так хотя бы фамилию. Мы бы и титул, если вообще такой наличествует, и

финансовое положение в два счета выяснили. А ты только и знаешь, что его Питер зовут. Думаешь, я виконтессой благодаря стечению обстоятельств стала? *Куда там!* Это результат *долгих* ухищрений, *обстоятельного* труда и, как я уже сказала, *кропотливого* стратегического планирования. Или думаешь, что столкнешься на улице с принцем и он возьмет тебя в жены? Такое, Вичка, бывает только в сказках!

Вика прекрасно понимала, что *такое* бывает только в сказках, и спорить с этим не хотела (тем более что спорить с невестой подшофе за день до свадьбы было не самым лучшим занятием), но не понимала, какое это имеет к ней отношение.

Вот именно, *никакого!*

В одном Ирина была полностью права: зря она убежала, так и не узнав фамилии Питера. И вовсе не для того, чтобы пробить его на предмет титула и фамильного состояния (ну, или состояния, им *самим* приобретенного), а чтобы...

Чтобы иметь возможность снова с ним встретиться.

Однако она это упустила из виду, вернее даже, приняла вполне осознанное решение этого не делать – и исчезла.

Чтобы никогда больше с этим Питером не встретиться. Потому что вероятность того, что, столкнувшись с ним один раз, она столкнется с ним и другой, была не просто ничтожна. Ей ли, изучавшей высшую математику и статистику, не знать, что этой вероятности *просто не существовало*.

После ленча последовало несколько часов отдыха, впрочем, заключавшегося в том, что мамаша Ирины, ее кузина и подруги, сидя в гостиной и третируя на *кошмарном* английском несчастную Мюриэл, откровенно сплетничали, обсуждая все нюансы сладкой жизни супруги состоятельного британского виконта.

Вика, на которую мало кто обращал внимания, за что она была крайне благодарна, забилась в уголок дивана и, отгородившись от внешнего мира смартфоном с начиткой бестселлера о путешествиях во времени по «черным дырам» и новыми наушниками, пыталась погрузиться в мир теоретической физики.

Не выходило – на ум лез только бородач Питер.

Во второй половине дня появился виконт Фредди, который, судя по всему, был не в большом восторге от визита говорливых русских дам, однако сносивший все это с типично британским контенансом. Как верно заметила языкастая кузина, если бы *не хотел* их тут видеть, то *не оплатил бы* для них всех перелет на частном самолете в Лондон. Впрочем, как понимала Вика, виконт Фредди, быть может, и не хотел, но *другого выбора* у него не было: не начинать же семейную жизнь со скандала с женой.

Фредди, столь стремительно появившийся, исчез не менее быстро: его ждал обед с иным, еще более *важным* и гораздо более *богатым* клиентом, на этот раз из Китая, затем за коктейлями подписание договора с болгарами и, наконец,

мальчишник.

А завтра была уже свадьба.

Когда Фредди удалился, мамаша Ирины запричитала, что никакого мальчишника быть не может. Что за Фредди нужен глаз да глаз. Что он был уже *дважды* женат и *дважды разведен*.

– Мамулечка, – ответила без пяти минут виконтесса, – у него будет мальчишник, а у нас будет *девичник*. Ах, разве я забыла вам сказать об этом?

Она лукаво усмехнулась и заявила:

– Ну да, забыла, *каюсь*. Хотела сделать вам всем сюрприз! Нас через два часа заберут! Все будет крайне пристойно, по крайней мере, в рамках того, что под этим понимает британская аристократия, к которой я, как ни крути, буду начиная с завтрашнего дня официально принадлежать. Мы отправимся в самый крутой лондонский клуб, «Ад и рай», куда попасть просто нереально! Ну, если ты простой смертный. А вот если ты будущая жена того человека, который ссудил одному из владельцев клуба деньги для его открытия, то проблем не будет! Не только попасть, но и получить в свое распоряжение целый этаж!

Конец ее фразы потонул в диких воплях, и кто-то из дам, кажется, даже сама мамаша, которой было за шестьдесят, деловито осведомилась:

– А стриптизеры-то будут?

Стриптизеры в модном клубе «Ад и рай», расположенном в Сохо, были, причем *не только* стриптизеры. Помимо этого, имелось море французского шампанского, блины с черной икрой, длинноногие девицы с голой грудью и в кокошниках, подававшие расстегаи с осетриной, а также всемирно известный диджей и толпа страждущих, что желали попасть в «Ад и рай», походившая, насколько могла судить по картинкам своего далекого детства Вика, на толпу перед Мавзолеем В. И. Ленина на Красной площади году эдак в 1983-м.

Им стоять ни в какой очереди не пришлось, все тот же розовый «Кадиллак», бывший, как выяснилось, в распоряжении невесты и ее подруг до рассвета, подвез дам к черном входу в клуб на соседней улице, где около металлической двери, оснащенной двумя видеокамерами, их встретил один из владельцев, приземистый, весь в коже и золоте, темнлицый субъект.

Говоря на странном английском, он обменялся поцелуйчиками с Ириной, называя ее «моей прелестной виконтессой», позволил себе шлепнуть ее по ягодицам, планомерно облапал всех дам по выпуклостям, даже мамашу виконтессы. А Вику только легко прислонил к себе и тотчас отодвинул в сторону, как она поняла, впечатления на владельца модного заведения она не произвела: ни своей внешностью, ни фигурой, ни нарядом.

– Что это, даже журналисты пожаловали? – спросила Ирина, кивая в сторону неприметного фургона на противопо-

ложной стороне улицы. – Вот такой к вам гигантский интерес!

Владелец, придерживая одной рукой за талию Ирину, а другой ее мамашу, которая от подобного обращения просто млела, пояснил:

– Это они знаменитостей поджидают. К нам ведь на прошлой неделе Брэд Питт заглядывал. После развода со своей Анжелиной пустился во все тяжкие. Ну, и аристократы нас тоже не забывают, молодой маркиз Дерри вот недавно с шумной компанией был...

Грохочущая музыка, доносившаяся из нутра клуба, заглушила его повествование, и Вика, жутко радуясь тому, что может вставить наушники и продолжить слушать повествование о путешествии во времени по «черным дырам», последовала за процессией в «Ад и рай».

Несмотря на свои опасения, что она попадет в дешевое злачное место, которое будет жутко действовать на нервы, Вика убедилась в том, что попала в *ужасно дорогое* злачное место, которое, несмотря на это, все равно *действовало на нервы*.

Однако в меньшей степени, чем она боялась – и *тайно надеялась*. Тогда бы она могла, сославшись на головную боль, отправиться в отель – ну, или прогуляться по британской столице теплым майским вечером. Вряд ли бы ее отсутствие бросилось в глаза и кто-то особенно бы о ней сожалел.

Владелец клуба что-то увлеченно объяснял, а мимо Ви-

ки текли нескончаемым потоком десятки, сотни, а создавалось впечатление, что даже и тысячи посетителей, а также работники клубы – официанты, охранники, танцовщицы и танцовщики, – облаченные, как и подобает обитателям ада ирая, то как демоны (черный латекс, красные рожки на голове), то как ангелы (серебристая туника, нимб и крошечные крылышки за плечами). Причем, за исключением практически невидимого нижнего белья, все облачение демонов и ангелов этим и исчерпывалось.

Клуб был поделен на два этажа: ад, как и полагается, внизу, где бесновалась публика и ставил музыку всемирно известный диджей, и рай, естественно, вверху, где можно было в более тихой обстановке перекусить, присесть за барной стойкой или погрузиться в одно из гигантских, похожих на облако кресел.

А ровно посередине имелось чистилище – своего рода промежуточный этаж, ложа для ВИП-гостей, на вход куда имели право только избранные. И в этот вечер чистилище принадлежало Ирине и гостям ее девичника.

Впрочем, будущая виконтесса хотела, чтобы и простой люд был в курсе предстоящего чудного события, и девицы без бюстгальтеров, но в аляповатых кокошниках обносили расстегаями и стопками с водкой тех, кто отрывался внизу.

В чистилище, откуда можно было наблюдать за действием как в аду, так и в раю, выступал любимый шансонье мамыши Ирины, специально прибывший из Москвы для того, чтобы

дать концерт для невесты и ее свиты.

Вика, шансон на дух не переносившая, как, впрочем, равнодушная к любого рода музыке, с большим трудом стерпела этот сольный концерт, а когда певец, певший не под «фанеру», а вживую, добросовестно обрабатывая солидный гонорар, заплаченный ему виконтом Фредди, вытер со лба пот, текший с него градом, и опрокинул сразу две стопки водки, услужливо поднесенные ему на серебряном подносе девицей без бюстгальтера, но в кокошнике, рухнул в кресло-облако алого цвета (в аду они были черного, а в раю – белого), его под улюлюканье дам сменил молодой стендапер тоже из Москвы, по которому Ирина сходила с ума, считая его «таким лапочкой». Но когда «лапочка» стал сыпать банальностями, сальностями и пошлостями, Вика, не выдержав, вышла из чистилища прочь.

Дорогу ей перегородили несколько атлетических бритоголовых типов, и девушка увидела группку из семи или восьми молодых людей и женщин, поднимавшихся по лестнице в рай.

– Разве я не могу выйти на улицу, если у меня разболелась голова? – спросила Вика одного из бритоголовых типов, а тот, отрицательно качнув головой, так и не позволил ей пройти.

Внезапно один из шедших по лестнице бородатых молодых людей, отчего-то показавшийся ей смутно знакомым, улыбнулся, говоря что-то изящной блондинке, и Вика поня-

ла: да это же ее знакомец *Пит из Гайд-парка!*

Только уже не в спортивном костюме для бега, а в синих джинсах, футболке и несколько затертом пиджаке.

А на руке, в том самом месте, где у него была ссадина, виднелась тонкая полоска пластыря.

Ну да, это точно Пит из Гайд-парка!

Что же ей делать – *молчать* или *привлечь к себе внимание*? Что с учетом гроыхающей везде музыки было делом поистине нелегким.

– *Пит!* – крикнула она, вероятно, слишком поздно, потому что бородач из Гайд-парка, так ее и не заметив и не услышав, поднялся по лестнице и исчез в раю. За группкой последовали и бритоголовые атлетические типы.

Вика подошла к лестнице в сектор рая, приняв решение: она только скажет Питеру привет, а потом...

Да, что, собственно, *потом*?

Этого она не знала, однако была уверена, что сумеет справиться с ситуацией. Девушка подошла к лестнице, поднялась на один пролет и снова столкнулась с бритоголовыми типами.

– Прошу прощения, сюда нельзя! – произнес один из них, преграждая ей дорогу.

– Я VIP-гость! – заявила Вика, раньше бы провалившаяся сквозь землю от стыда от подобной мажорной фразочки. И охотно пояснила: – VIP-гость виконтессы Грейсток, которая в чистилище празднует свой девичник. И гость вашего

хозяйина! Пропустите!

По лестнице спустился еще один атлетический тип, и, присмотревшись, Ирина поняла: ну да, это же один из «сладкой парочки», которая сопровождала Питера на пробежке.

Его, как он выразился, *почти* «спутники жизни».

– Привет! – заявила она, стараясь перекричать музыку. – Мы сегодня виделись в Гайд-парке. Я бы хотела...

Вика запнулась. Да, *чего бы она хотела?*

– Хотела забрать у Питера свои перчатки и наушники! – выпалила она первое, что пришло ей в голову.

Тип, на лице которого не дрогнул ни единый мускул, ровным тоном произнес:

– Мэм, это частная вечеринка, посторонние не имеют туда доступа.

Частная вечеринка! И посторонние не имеют туда доступа.

А она и была – *посторонней*.

Она бы могла пытаться настоять на своем, однако поняла, что успеха не возымеет и тип, судя по всему, все же ее прекрасно узнавший, костыми ляжет, но ни за что ее наверх не пропустит.

В рай, к Питеру.

– Но мои перчатки... *И наушники...*

Пропади они пропадом – и перчатки, и тем более *наушники*. Но ей не хотелось уходить ни с чем.

– Мэм, они будут присланы вам экспресс-почтой в тече-

ние завтрашнего дня. Приношу вам самые официальные извинения, мэм. Хорошего вам вечера, мэм!

Он трижды за три секунды назвал ее *мэм*. Это могло значить только одно: ей следовало убраться подобру-поздорову.

Вика медленно спустилась по пролету лестницы вниз, на уровень чистилища, и наткнулась на хозяина, который вывернул из противоположного угла.

– Разве мне нельзя в рай? – произнесла она, и владелец, усмехнувшись, приблизился к ней.

– Такой леди, как вы, в рай можно *всегда*. Но, увы, только не сегодня. Там закрытая вечеринка, элитная молодежь празднует день рождения одной юной герцогини. Они нагрянули как снег на голову. Да еще не одни, а с представителем королевского семейства, принцем Джоки. Поэтому такие меры предосторожности... Мне пришлось только что еще и журналистов от черного входа отгонять, чтобы не разжились ненужными снимками, желая заработать на мнимом скандале.

Внезапно Вика ощутила руку владельца клуба у себя на ягодицах. Кажется, он все же *вполне* оценил ее, несмотря на холодный прием внизу.

– Но по лестнице для эвакуации при пожаре туда можно подняться, минуя телохранителей принца. Хотите, провожу...

Его рука настырно лезла туда, где не должна была находиться ни при каких обстоятельствах, и Вика, отпихнув от

себя нахального типа, холодно заявила:

– Благодарю, мне и в чистилище хорошо!

И вернулась обратно в ВИП-ложу, чтобы спустя две минуты пулей вылететь оттуда: очень приватное представление группы горячих стриптизеров, на которых к моменту ее появления не осталось практически ничего, набирало обороты, и взирая на то, как мамаша Ирины забывает правила хорошего тона, которых, как ни крути, никогда *и не знала*, было выше сил.

Пусть девочки развлекаются, если хотят, ханжой Вика не была. Виконт Фредди, *вполне вероятно*, тоже не слушал в это же самое время в ином подобном заведении, во время своего мальчишника, записи рождественских обращений королевы или фуги Иоганна Себастьяна Баха.

Однако ведь никто не может ее *принудить* присутствовать при этом!

Вика спустилась вниз, в ад, с большим трудом продралась вниз, к барной стойке, заказала *один* коктейль, получила *другой*, выпила его и заказала *новый*.

И поймала себя на том, что, держа бокал в руке, стоит так, чтобы видеть лестницу, по которой можно было из ада подняться в рай, минуя чистилище.

По этой лестнице поднялся Питер, который, как теперь было доказано, был представителем золотой молодежи и входил в близкий круг общения принца Джоки, являвшегося, как помнила наставления Ирины, вторым сыном наследника

британской короны.

Никогда не увлекавшаяся подобными вещами (время она предпочитала тратить на что-то *более стоящее*), Вика извлекла мобильный, чтобы отыскать во Всемирной паутине информацию об этом самом принце Джоки, однако была вынуждена капитулировать, ибо сигнала вай-фая в аду не было.

Что же, ад полностью оправдывал свое название: звонка ни *туда*, ни *оттуда* последовать не могло.

После третьего коктейля Вика вдруг ощутила легкую тошноту и поняла, что ведет себя как последняя дура. Таращится на лестницу в ожидании бородача-аристократа, с которым столкнулась по время пробежки, как будто...

Как будто влюбилась в него!

И вдруг поняла – а ведь в самом деле влюбилась!

На улицу она прорвалась через все тот же черный ход, хотя это было и непросто, однако, на ее счастье, один из охранников запомнил ее, а ссылка на виконтессу Грейсток в аду в отличие от рая возымела воздействие, и ее выпустили в душную майскую ночь, отомкнув тяжеленную металлическую дверь.

Чувствуя себя душой, сумевшей вырваться из ада и снова попасть на Землю, Вика полной грудью вдохнула и вдруг ощутила, что ее душат слезы.

Хорошо, что на задворках клуба никого не было, даже отогнанный владельцем фургон с журналистами исчез.

Она была совершенно одна, здесь, на задворках ада и рая, где-то в промежуточном мире, тридцатичетырехлетняя идиотка, без семьи, без детей, зато с *пятью компьютерными фирмами*, хоть и *мелкими*, вдруг отчего-то на полном серьезе решившая, что втюрилась в неизвестного бородача-аристократа во время утренней пробежки в Гайд-парке.

Что за феерическая дура!

Усилием воли заставив себя перестать всхлипывать, Вика приняла решение: немедленно в отель, десятиминутный контрастный душ, таблетка аспирина – и баюшки. Завтра ведь подруга выходит замуж, становится виконтессой, и...

И что?

Зарыдав на этот раз во весь голос, Вика прижалась к кирпичной стене. И чего она плачет? Ведь не только из-за того, что влюбилась в человека, с которым говорила от силы семь минут. Может, и всего пять.

Или даже *четыре*.

И не говорила даже, а перебросилась парой банальных, ничего не значащих фраз.

Ничего не значащих?

А кто сказал, что для того, чтобы в кого-то влюбиться, надо вести пространные беседы о монадологии Лейбница, альтернативной теории Большого взрыва и хронологических несостыковках ордовикско-силурийского вымирания?

Кто сказал, что надо вообще что-то произносить? Или, быть может, достаточно обменяться парой банальностей и...

Вика, всхлипнув, жадно вдохнула и ощутила столь ненавистное ей никотиновое амбре, шедшее из-за угла. Закашлявшись, она завернула за этот угол, желая сорвать на первом попавшемся курильщике-бедолаге всю свою злость, и замерла, увидев, что с сигаретой в руке около еще одного входа, видимо, того самого, для пожарной эвакуации, о котором вел речь владелец клуба, нахально облапывая ее, у стены, упершись в нее одной ногой и пуская в небо струю дыма, стоит он.

Питер из Гайд-парка.

Первым желанием Вики было нырнуть обратно, однако она, ошарашенная неожиданной материализацией прямо перед ней объекта ее мыслей и чаяний, застыла, словно изваяние.

А Питер, увидев ее и однозначно узнав, поперхнулся сигаретным дымом и принялся громко кашлять. Бросить его в таком положении Вика, конечно же, никак не могла.

Поспешно подойдя, она постучала его по спине и произнесла:

– Выбросите эту тлеющую отраву! Она вас убьет!

– А? *Что?* – произнес бородач Питер, и Вика, энергично взяв у него только что начатую сигарету, бросила ее на асфальт и раздавила кроссовкой (да, в самый крутой лондонский ночной клуб, на девичник будущей виконтессы Грейсток, она отправилась в кроссовках – правда, не тех, в кото-

рых совершала утренний моцион по Гайд-парку, *а в других*).

– Это яд! – заявила она и произнесла мягче: – Извините, вы, конечно, сами вправе решать, курить вам или нет, травить вам свой организм или нет, зарабатывать вам рак или нет. Но я, некурящая, но вынужденная против своей воли везде, где только ни придется, вдыхать эту мерзость, не хочу, чтобы за меня решали, травить ли мне мой организм и зарабатывать ли мне рак...

А потом, вдруг поняв, что только что отчитала совершенно незнакомого ей человека, да к тому же вырвала у него из рук сигарету, которую он курил, примирительно произнесла:

– Жаль, что каждый раз, когда мы с вами... сталкиваемся, вам приходится страдать.

Она кивнула на заклеенную пластырем руку Питера.

Тот, расхохотавшись, заявил:

– Вы прямо как моя *бабуля!* От нее тоже приходилось прятаться, потому что она терпеть не может курильщиков. И дедуле от нее доставалось...

– Прекрасно понимаю вашу *бабулю*, – согласилась Вика. – А у вас, если я правильно понимаю, были с ней хорошие отношения. Могу ли я спросить, жива ли она?

Вика быстро сосчитала: если Питеру, по ее оценке, от двадцати семи до тридцати пяти (возраст мужчин с бородой так сложно определить *точно*), то его родителям, вероятно, от шестидесяти до, не исключено, семидесяти, а *бабуле* может быть и за девяносто, по крайней мере, точно с гаком за во-

семьдесят.

И снова знакомое ей уже из Гайд-парка недоверчивое выражение лица и сузившиеся серые глаза:

– О да, бабуля в отличной форме, хотя уже не первой молодости. Однако что вы тут делаете?

Он явно хотел сменить тему, и это было на руку Вике.

– Отмечаю девичник подруги, которая выходит завтра замуж за виконта...

Она не назвала фамилию, хотя была уверена, что в аристократических кругах все обо всем знают. *Или нет?* Собственно, *что* она знала об аристократических кругах?

Ровным счетом ничего.

– А вы? – продолжила она, переходя в наступление. – Вы здесь с... *принцем?*

Питер, склонив голову, продолжал пристально на нее смотреть.

– Дело в том, что я вас видела. Случайно, хотя в это сложно поверить. Вы вместе с принцем Джоки и его свитой поднимались по лестнице в рай. Я вас окликнула, но вы не услышали...

– Не услышал, – согласился Питер. – Там так громко. Раньше я обожал подобные заведения, отрывался по полной программе, но после... после Афганистана все это ушло в прошлое. Однако меня пригласили на день рождения, и юная леди, виновница торжества, хорошая знакомая нашей семьи, была вольна в выборе заведения...

– Или это принц настоял? – произнесла Вика, заметив, что эта тема ввергает Питера в краску. – Наверняка он тоже любит оторваться, этот ваш принц...

– Думаю, и принцы тоже могут меняться со временем, – усмехнулся Питер. – Даже такие, как Джоки. Он неплохой малый, хотя и непутевый. Маркс сказал бы, что типичный продукт своей среды, но он же не виноват, что он принц!

Вика расхохоталась.

– Аристократ, ссылающийся на Маркса, – это прелестно. Хорошо, что не на Адорно, Хабермаса или Славоя Жижека. Причем в особенности последнему до нового Маркса ой как далеко, хотя он изо всех сил и пыжится, стараясь выставить себя в глазах ошеломленной левой общественности таковым. Да и не только, впрочем, левой...

Питер, усмехнувшись, произнес:

– Читали Жижека? Я, надо сказать, тоже. Да, явно переоценен. Знаете, в Афганистане было много свободного времени. Стреляли мы редко.

Он смолк, о чем-то задумавшись, а Вика сказала:

– Разве стрелять редко – *плохо*? Но вы правы, даже принцы могут меняться. И, конечно, они не виноваты в том, что они принцы. А вы кто – баронет, граф или, кто знает, *герцог*?

Она поставила вопрос ребром, однако таков был ее стиль, и благодаря ему Вика в тридцать четыре была владелицей пяти процветающих компьютерных фирм. Пусть и *мелких*.

– Меня зовут Виктория Романова, я живу в Санкт-Петер-

бурге и занимаюсь компьютерным бизнесом. И не иронизируйте: на исход американских выборов не влияю, исход референдума по брекзиту не подтасовываю, фабрикой троллей не заведу, а всего лишь разрабатываю графику и создаю дизайн компьютерных игр. Так, предприниматель средней руки. *А вы?*

Настал черед Питера расхохотаться:

– А с тайной миссией на Острова не прибыли? На шпиль посмотреть, собор Святого Павла осмотреть? Извините, Викки, мне иногда отказывает чувство юмора... – Вздохнув, он сказал: – Меня зовут Питер. И да, я из так называемой золотой молодежи, к которой принадлежал когда-то с большим удовольствием и рвением, но к которой теперь, если бы это зависело только от меня, перестал бы принадлежать совсем. Ах, лорд ли или маркиз? Ну да, моего прононса не скроешь, хотя и я пытаюсь выгравить его. Но бабуля превращается в настоящую фурию, если я, приезжая к ней в гости, говорю на «обычном» английском или, боже упаси, пользуюсь сленгом. Она человек старой закалки...

Судя по всему, эта железная *бабуля* была важным, вероятно даже, самым важным человеком в жизни Питера. Поди, вдова-герцогиня или что-то в этом роде.

– Я барон Ренфрю. Как видите, ничего особенного...

– *Ниже* виконта и *намного* ниже графа! – вскрикнула Вика, понимая, что Ирина от ее выбора была бы, мягко говоря, не в восторге: «*Маловато будет, Вичка!*» – Это я знаю! А

вы служили в Афганистане?

Лицо молодого человека помрачнело.

– Служил. Черт, где тут сигареты были? Ой, извините, что выругался и что курить потянуло. Но когда об Афганистане вспоминаю, все время тянет. Ах!

Вместе с пачкой сигарет он вытащил из кармана пиджака *ее* спортивные перчатки и *ее* же наушники.

– О, так вы их в кармане носите? – изумилась Вика. – А ваш... ваш друг, который, как я понимаю, ваш телохранитель, по причине чего вы и считаете его своим, так сказать, «спутником жизни», сказал, что мне пришлют их завтра экспресс-почтой. Только, боюсь, завтра мне их доставить не смогут, так как я весь день на свадьбе своей подруги, будущей виконтессы...

– Он *так* сказал? – произнес Питер, распутывая обмотавшиеся вокруг пачки сигарет провод наушников. – Извините, но такая у них работа. Они часто меня выводят из себя, но потом я понимаю, что парни всего лишь выполняют то, за что им платят.

– А они с вами на каждом шагу? – любопытствовала девушка.

Питер кивнул.

– Но как вам тогда удалось от них уйти? Или они тут, *за углом?*

Вика в притворном ужасе посмотрела за угол, откуда сама вывернула и где *точно* никого не было, а Питер, он же барон

Ренфрю, ответил:

– Ну, они ведь тоже люди. Да и в определенные места я хожу все же без телохранителей, а если там неподалеку пожарный выход, при помощи которого можно спуститься вниз, выкурить одну-другую сигарету, просто помолчать, то я всегда подобной возможностью воспользуюсь.

– А как вы попадете обратно? Выйти-то вы вышли, а открыть с этой стороны дверь не сможете, – произнесла Вика. – Придется пользоваться черным ходом или становиться в кошмарную очередь!

Протягивая ей перчатки с наушниками, Питер сказал:

– А кто сказал, что я жажду вернуться туда?

– Не жадете? Охотно верю. Но вас же хватятся, будут искать. Еще заставите принца по пустякам нервничать...

– Принц вам определенно не нравится, – произнес с усмешкой Питер. – Почему, собственно? Что он вам такого сделал? Или вы ненавидите принцев как класс?

– Да что вы, – ответила Вика. – Мне до принца, если честно, дела нет. И я уж точно не революционерка, не низвергатель основ Британского королевства. Но, судя по вашему тону, вы от вашего принца *тоже* не в восторге.

Питер медленно кивнул:

– Что точно, то точно. Иногда я его реально ненавижу. И мне хочется, чтобы он провалился прямо в ад!

– Поэтому он и появился в «Ад и рай»! – рассмеялась Вика, забирая перчатки и наушники. На мгновение ее ладони

и ладони Питера встретились, и она ощутила тепло его тела.

– А вы почему носили их в кармане пиджака? Вряд ли вы рассчитывали встретить меня здесь? Или они служили вам воспоминанием о нашей мимолетной встрече в Гайд-парке?

Рука Питера дрогнула, и перчатки с наушниками, уже опущенные им, но еще не перехваченные Викой, спланировали на асфальт.

Она сказала что-то *не то*? Или все дело, что именно *то*?

– Думал, хотел... Передать, чтобы вам послали... Ну, я считал...

Питер заикался и явно всерьез воспринял ее слова.

– Извините, они будут пахнуть сигаретами, а вы этого не любите. Я сам знаю, что курить вредно, но не могу отказаться полностью. Хотите, я вам куплю новые? Черт, я не собирался, чтобы это звучало так... так *глупо*...

Он был растерян и смущен, судорожно пытаясь поднять перчатки и снова обвивший их провод наушников, уши его пылали, а лица Вика не видела, так как Питер опустил голову.

Их руки снова встретились, но на этот раз никто – ни он, ни она – их не отдернули. А какое-то время держались за руки. А потом Питер поднял лицо и быстро поцеловал Вику.

Вика не сопротивлялась, более того, она этого хотела – *очень*. Молодой человек через несколько секунд, которые, казалось, длились целую вечность, отпрянул, а затем начал

бормотать извинения, на что девушка, посмотрев на него, сама снова поцеловала его.

Они целовались у кирпичной стены, около пожарного выхода из клуба, и никак не могли остановиться. Наконец Питер произнес:

– Наверное, целоваться с курильщиком тебе не очень-то нравится...

– Вообще-то нет, – согласилась Вика, – однако в твоём случае я *сделаю исключение!*

Их губы снова слились воедино, и Вика хотела, чтобы этот момент никогда не заканчивался. Ей было так хорошо, так приятно, так великолепно.

Внезапно дверь для эвакуации от пожара, тихо скрипнув, открылась, Вика отпрянула от молодого человека и, чуть повернувшись, заметила физиономию бритоголового атлета, который с нескрываемым удивлением и *даже ужасом* взирал на нее с Питером.

– Кажется, за тобой пришли, – произнесла Вика.

Еще до того, как бритоголовый тип что-то промолвил, Питер решительно заявил, что сейчас вернется, и исчез за дверью клуба.

Вика, прислонившись к стене, закрыла глаза. Да, ей было хорошо, как еще никогда в жизни. Питер явно умел целоваться, однако дело было не в этом. А в том странном щемящем чувстве, которое, возникнув где-то в солнечном сплетении, распространилось все дальше и дальше.

Вика открыла глаза, словно стряхнув с себя наваждение. Она посмотрела на металлическую дверь, которая все не открывалась. Питер был где-то в клубе, он обещал вернуться с минуты на минуту.

Если, конечно, вообще *намеревался вернуться*.

Да, было хорошо, однако это «хорошо» не стоит затягивать, тем более что оно уже не повторится. Вика не хотела, чтобы все завершилось самым банальным образом: оказаться в постели с Питером, а потом после, вероятно, жаркой и бурной ночи расстаться, причем *в этот раз* навсегда, не входило в ее планы.

Дело не в том, что Питер не привлекал ее. Как раз наоборот – он ей нравился, даже очень. Ведь, как она понимала...

Ведь она в него *влюбилась!*

Только вот что в этом, скажите на милость, было хорошо? Втюрилась в молодого бородатого британского аристократа, барона Питера Ренфрю, к тому же, судя по всему, моложе ее.

И чем это *закончится?*

Поцелуями, а затем обжиманиями у черного хода в самый крутой лондонский клуб, затем – в этом она не сомневалась – отличным сексом то ли в ее отеле, то ли на квартире Питера, а может быть, и в его родовом поместье под Лондоном, а затем...

А затем они расстанутся. Или она ожидала чего-то еще, например, перезвона свадебных колоколов?

Вика глубоко вздохнула и произнесла вполголоса:

– Спасибо за то, что уже было, и за то, чего не было. Не надо терять голову, девочка. Ты можешь пуститься во все тяжкие, только расставаться-то придется все равно. Так какой смысл разрушать самый прелестный момент твоей жизни, отправляясь с ним к тебе в отель и к нему в родовое поместье?

Вот именно, *никакого*. Безусловно – отчего-то в этом сомнений не было, – все и там, у нее в отеле, или в родовом поместье Питера будет на высшем уровне, только...

Только после ночи любви всегда последует утро расставания, а это значит, все волшебное очарование разом пройдет, и карета превратится в тыкву, а кучер в крысу.

А она сама останется *у разбитого корыта*?

Вика посмотрела на дверь еще раз, словно ожидая, что та распахнется и Питер, как обещал, вернется к ней.

Нет, не словно – она действительно ожидала, тогда бы у нее не было возможности уйти.

Однако дверь не открывалась, и девушка вздохнула. Что же, прошло уже не менее пяти минут с тех пор, как его забрал с собой бритоголовый тип. И все, что только можно было с ним выяснить, Питер давно мог уже выяснить. И вернуться к ней.

Если только...

От осознания этого ей стало больно – *физически* больно. Питер и *не намеревался* возвращаться. С самого начала не намеревался. И, кто знает, случайно ли появился тут брито-

головый, или он всегда, как чертик из табакерки, появляется тогда, когда Питеру необходимо под благовидным предлогом улизнуть.

Вика, оторвавшись от стены, опять взглянула на дверь. Она еле удержалась, чтобы не подойти к ней и не дернуть за ручку. *Все равно закрыта.*

Вот именно закрыта – доступа в этот мир, *мир Питера*, у нее не было. Точнее, она побывала в нем, и то благодаря тому, что в клубе праздновала свой девичник будущая виконтесса Грейсток, но надо быть реалисткой: ни к чему хорошему это не приведет.

Да и не надо, чтобы вообще к чему-то приводило. Потому что Питер вернулся к своему принцу и юной герцогине, праздновавшей день рождения, а она через считанные дни вернется в Питер, к своему бизнесу, книгам о путешествиях во времени и к бегу по утрам вдоль Невы.

Каждому, как говорится, свое.

Но отчего на сердце *так тяжело?*

Вика решительно зашагала прочь. Как и тогда, в Гайд-парке, ее подмывало обернуться, чтобы посмотреть, не вышел ли из клуба Питер...

Собрав всю волю в кулак, она не сделала этого и даже бросилась бежать, словно боясь, что за ней гонятся.

Хотя никто за ней не гнался.

И только через какое-то время вспомнила, что *снова* забыла спортивные перчатки и наушники – на этот раз на ас-

фальте перед черным выходом. Питер наверняка подумает, что она забыла их нарочно, дабы он прислал их забывчивой девушке экспресс-почтой.

А ведь все вышло случайно!

Или нет?

Возвращаться она не будет: это Вика знала твердо. Если придет экспресс-почтой, значит, придет. Если нет, следовательно, нет. Только это вот она знала: как его зовут и кто он, а ему было известно только ее имя и фамилия.

Вряд ли он сможет найти ее в Лондоне за то время, пока она находилась здесь. А в понедельник Вика уже улетит в Питер.

И все, ее лондонские каникулы закончатся.

Вика брела по полным людей улицам Сохо, чувствуя, что ей хочется разрыдаться. И только невероятным усилием воли она заставила себя не сделать этого.

Все хорошо, девочка, все просто отлично!

Просто надо выбросить из головы бородача Питера, и все. И жизнь возвратится в прежнее русло, и...

Вот именно – *и?*

На душе было муторно, и Вику шатало. И она знала: это точно не от трех коктейлей, которые она по глупости позволила себе в клубе. Нет, не по глупости, а в ожидании Питера.

Смахнув слезы, она достала мобильный, определила по карте, где находится, задала маршрут пешком до своего отеля и, решив, что небольшая прогулка по ночной британской

столице пойдет только на пользу и выветрит хмель, а также *романтические глупости* из головы, зашагала в нужном направлении.

Только отчего ей было *так плохо*?

Шон Фэллоу, «платиновое перо» лондонского бульварного листка «Дейли кроникл», половиной которого с некоторых времен он владел, заметил сообщение, пришедшее в самый неподходящий момент – порноролик, который Шон жадно смотрел, прильнув к экрану своего мобильного, находясь в своей крошечной замусоренной квартирке в Северном Кенсингтоне, подходил к своему апогею, и в такие моменты его никто не имел права беспокоить.

За исключением, конечно, его информаторов.

А именно один из таких людишек, которые поставляли ему сведения, в мгновение ока превращаемые Шоном в очередной броский заголовок в «Дейли кроникл», специализировавшейся на *скандалах, скандалах* и еще раз *скандалах*, и объявился сейчас, в начале четвертого утра в ночь на воскресенье.

Шон, бывший типичной «совой», спать ложился днем, тем более он мог себе это позволить. Писал свои статьи он ночами, и его добычей в течение последних без малого четверти века лет были знаменитости и их личная жизнь. Он уже опубликовал фотографии одного известного британского рокера, лихо втягивавшего через ноздрю в ночном клу-

бе кокаин, и звезду Голливуда, лауреата двух «Оскар», в компании проституток-трансвеститов. Ну, не считая таких мелочей, как разнообразные мелкие звездочки Британских островов, политики, тогда еще действовавшие, а теперь уже бывшие, в том числе два министра, масса депутатов парламента, какие-то плохо воспитанные аристократы, прожигавшие жизнь русские олигархи, отпрыски китайских партийных бонз и даже члены тайского королевского дома.

И, как апофеоз его карьеры на данный момент, несовершеннолетний сын тогдашнего премьер-министра, который, являясь юным алкоголиком, избивал ногами какого-то нелегального мигранта, – папочке пришлось в спешном порядке уйти в отставку, и получается, что к смене правительства привели фото, опубликованные именно им, Шоном Фэллоу, ведущим корреспондентом «Дейли кроникл»!

Шон знал себе цену, зарабатывал очень неплохо, вел свой блог в интернете, канал на «Ютубе» и по полному праву считал себя самой мерзкой крысой от «желтой» журналистики в Британии.

И другие, как он знал, *тоже так считали.*

Он мог бы позволить себе жить в шикарном пентхаусе где-нибудь в Белгравии или хотя бы по-прежнему все в том же Кенсингтоне, но не в пролетарском Северном, а в аристократическом Южном, деньги-то у него, благодаря столь обожаемому народом королевства скандалам, о которых он беспрестанно строчил, водились. Однако Шон предпочитал по-

прежнему обитать в крошечной двухкомнатной, вернее даже, полутораконатной квартирке, в которую въехал, будучи молодым, стройным и с копной рыжих волос. И без гроша за душой, но полным амбиций.

Теперь, без малого двадцать пять лет спустя, он был уже далеко не таким *молодым*, явно не *стройным* и давно растерявшим свои волосы, на месте которых образовалась солидная плешь, теперь, впрочем, им каждый второй день тщательно полируемая машинкой перед зеркалом в убогой уборной.

И богатым, даже *очень богатым*. Однако по-прежнему с амбициями.

Эта вонючая квартирка, заполненная старыми коробками из-под пиццы и азиатской еды, была его *логовищем*, и если бы он переехал в шикарную местность, где обитают жертвы его разоблачений, то сам бы превратился в знаменитость, за которой ведут охоту наступавшие ему – в последние годы все сильнее и сильнее – на пятки юные Шоны Фэллоу, как и он в свое время, желавшие денег и славы.

Сдавать позиции Шон не намеревался, понимая, что для того, чтобы их удержать, ему придется трудиться еще активнее, выдавать на-гора еще более сенсационные репортажи, заполучать не просто эксклюзивные фото, а такие, от которых весь мир просто ахнет.

И, если честно – а с собой Шон был *всегда* честен в отличие от общения с другими, которым всегда врал, – до сих

пор его лучший репортаж не был еще написан. Конечно, уход в отставку премьер-министра из-за своего пьяного сыночка, лупившего ногой в лицо мигранта где-то в трущобах, многие считали венцом карьеры Фэллоу, но сам Шон так не считал. Будь это не сынок премьера, а простого работника, никто бы, конечно же, не обратил на это внимания, и это фото уж точно не возникло бы на первой полосе «Дейли кроникл».

Шон знал: сделать в Британии подлинно сенсационный репортаж следует отнюдь не на разнузданных детишках политиков, пусть даже самого премьера. И не на всех этих рокерах, звездочках и даже подлинных звездах, пусть и с дюжиной «Оскаров» за душой. Все это привлекало внимание, бесспорно, однако он сам знал: нет, *не то*.

Да и пьяные графы, сношающиеся баронессы и блюющие герцоги были, конечно, тоже делом занятным, однако не могли исправить положение. Подлинным и реальным скандалом – и этого скандала Шон ждал всю свою карьеру самой мерзкой крысы «желтой» журналистики Британии – был скандал, связанный с королевским семейством.

Или, с большой буквы, с *Королевским Семейством*.

Ну да, то и дело на тех или иных шашнях попадались отдаленные родственнички ее величества королевы, всякие там шестиюродные кузены и пятиюродные внучатые племянники. Они были герцогами, графами и маркизами, но для публики приходилось всегда объяснять в скобочках их степень родства с британским королевским домом.

А Шон мечтал об ином: о том, чтобы в сети к нему попался не просто представитель правящей династии, а один из самых ее *известных* представителей. Такой, за чьим именем не должно следовать в скобочках титула и степени его родства с ее величеством.

И лучше всего: *не один*.

Потому что с королевской «мафией» у него были собственные, очень *личные*, счета. Дело в том, что его отец был одним из последних британцев, которого в начале шестидесятых, еще до отмены смертной казни, вздернули на виселице за убийства нескольких дам легкого поведения. Хотя его вина была доказана только косвенно, и отца *навверняка* подставили, а все улики подтасовали, и истинный маньяк, прозванный прессой Шеффилдским душителем, так и остался на свободе. Отца Шон не узнал – он родился, когда тот был уже мертв.

И королева, эта старая гримза, тогда, конечно, еще гримза *молодая*, могла бы *одним росчерком* пера помиловать его отца, заменив смертную казнь пожизненным заключением, однако эта коронованная тварь и не подумала удовлетворить прошение о помиловании, которое было направлено на ее имя адвокатами отца.

И Фэллоу-старшего спустя три недели повесили.

Мать воспитала Шона в ненависти к королевской семье, этой прожорливой банде трутней и проходимцев с титулами, настоящей «мафии», по которым плакала виселица. И Шон

покаялся себе, что приложит все усилия, чтобы покарать «мафию», разоблачить ее самые гадкие тайны и, кто знает, сделать так, чтобы молодая гримза, теперь уже гримза старая, даже *древняя*, потеряла трон.

А вместе с ней и вся ее *мафиозная династия*.

С этой целью Шон и стал журналистом, с этой целью скрупулезно собирал и публиковал компромат, а если его не было – слухи и сплетни о королевской семье, выставявшие «мафию» и ее отдельных членов в весьма невыгодном свете.

Кое-чего он *добился*.

Ну да, несколько лет назад второй сын ее величества, герцог Кларенс, попался на каких-то бизнес-махинациях, расстратив миллионы фирмы, которую тогда возглавлял: скандал был, но народу такое неинтересно. Ну, оказался Кларенс полным тупезнем в финансовой сфере, не исключено даже, сам запустил руку в кубышку фирмы, чтобы поживиться, – пошумели и забыли.

К тому же герцогу Кларенсу было тогда под шестьдесят, кому интересны скандалы вокруг толстого дяди с лысиной и красным носом? Вот если бы выяснилось, что он занимался грязным сексом, желательно с несовершеннолетними, желательно одного с ним пола, тогда бы *другое дело...*

А то, что дочка Кларенса, старшая внучка королевы (яблочко от гнилой родительской яблони укатилось *совсем недалеко*), пару лет назад попала в ночном клубе, на коленях блюющей в унитаз, было так, не скандалом, а максимум

скандалчиком: разговоров было меньше чем на неделю.

Требовалось иное, *совершенно иное!*

Шон с тоской думал о начале своей карьеры, о тех далеких годах, когда в Британии, да и, пожалуй, во всем мире была только одна подлинная звезда британского королевского дома – принцесса Уэльская, «королева сердец», как окрестила ее пресса (сам он называл ее «блондинкой из дворца»), которая благодаря своей ангельской внешности, а также небывалой харизме стала объектом внимания номер один.

Да, «блондинка из дворца» была еще той штучкой, на ней уже тогда можно было в день заработать на особо удачном снимке миллион! И он знал двух фотографов, которые и заработали. Неудивительно, что журналисты отслеживали каждый ее шаг, а когда стало известно, что она разводится с принцем Уэльским, наследником престола, старшим сыном ее величества королевы, вакханалия не только улеглась, а усилилась.

«Принцесса сердец» заводила себе одного любовника за другим, отдыхала на огромной яхте в Сен-Тропе, посещала в качестве почетного гостя бал в Вене – и везде ее поджидали журналисты.

И он, Шон, был одним из этих журналистов, потому что, как и все другие, надеялся сделать главный снимок своей жизни и заработать миллион.

Долго так длиться не могло, поэтому его не удивило, что все завершилось автокатастрофой в туннеле, когда автомо-

биль с «принцессой сердец» и ее новым любовником врезался в одну из опор. Любовник скончался на месте, «блондинку из дворца» отвезли в больницу, но спасти ее уже не удалось.

Кому-то удалось сделать фотографии умирающей «принцессы сердец», однако Шон только потер руки от радости, когда узнал, что ни одно из крупных изданий не согласилось купить их. *Вот и обломилось с миллионом!*

«Блондинка из дворца» нашла упокоение в мраморном пантеоне родового поместья своей семьи, перейдя практически сразу в разряд легенд и святых. Легендой она, может, и была, а вот святой уж точно нет – это Шону отлично известно.

Но суть в том, что после ее кончины королевское семейство, решившее полностью закрыть к себе доступ журналистам, стало пресным, скучным и неинтересным. Скандалы если и были, то с его малозначительными представителями, да и не скандалы, и так, *скандальчики*. А если и попадался с поличным близкий родственник королевы, то на чем-то для публики скучном типа банкротства фирмы.

А народу, и это Шон отлично знал, требовалось одно: *секс*. Ну, или любовь, которая в итоге и приводит к сексу. В этом плане с «блондинкой из дворца» было сущее удовольствие, она в этом плане не знала удержу. Но последние двадцать с лишним лет, что прошли после ее смерти, все было невыразительное и ужасно чопорное.

Детишки ее величества королевы уже были сами пенсионерами, у них у самих были детишки и даже внуки, однако вся эта молодая поросль вела на редкость невыразительную семейную жизнь. Ни тебе проституток, ни тебе наркотиков, ни тебе трансвеститов.

Но – и Шону это было отлично известно – скандалы-то, причем первоклассные, *с сексом*, в королевском семействе *вполне себе* имелись. Короли и герцоги тоже ведь люди с потребностями, греховными наклонностями и зачастую противоестественными страстями. Просто теперь на ее величество работали профессиональные пиарщики, которые могли разрулить любую ситуацию, загасить любой скандал, убрать любую нежелательную новость.

Ну, или *почти* любую.

Поэтому Шон знал: надо просто терпеливо ждать, расставив сети, собирать информацию и, заполучив желанные эксклюзивные сведения, не зевать, а *первым* обнародовать их. Так, и только так, он не просто сумеет огрести хорошие бабки, но и одним разом превратится из самой мерзкой крысы британской журналистики в ее самого почитаемого представителя.

И отомстит «мафии» и лично старой карге, ее величеству королеве, *да продли Господь ее дни!*

Во всяком случае, до того часа, когда ей придется отречься от престола и пережить крушение династии.

Не династии – «мафии».

Для этого он и проплачивал массу информаторов, которые по крупицам приносили ему сплетни, слухи и, что бывало гораздо реже, реальные факты.

Шон Фэллоу, недовольный тем, что просмотр порноролика был прерван на самом занимательном месте, открыл сообщение – он взял себе в привычку никогда не откладывать это «на потом», потому что, могло статься, это сообщение уйдет кому-то другому и тот окажется проворнее.

Его глазам предстала всего одна строчка текста, а также не очень четкая фотография, явно являвшаяся кадром из камеры наблюдения. Шон увеличил изображение, и сердце его екнуло. От волнения он даже уронил телефон на грязный ковер и, чертыхаясь, долго шарил, пытаясь нащупать его рукой.

Подняв, он рассмотрел фотографию внимательнее и возликовал. Вот она, сенсация, которую он так долго ждал! Самая настоящая, не выдуманная, документально подтвержденная.

И напрямую связанная с королевской «мафией» – *прямо не бывает*. Причем из разряда любви и секса, то есть то, что народу подавай.

Информатор, обладавший не только одним размытым фото, но, и судя по всему, целым небольшим *фильмом*, зафиксированным камерами наблюдения, запросил заоблачную сумму.

Шон, понимая, что если и надо торговаться, то следует делать это крайне быстро, пока товар не уплывет к другим жур-

налистским берегам, быстро застрочил по клавиатуре мобильного.

Нет, что-что, а этого шанса, которого он ждал так долго, он точно не упустит!

Вика вздохнула, услышав крик. Шумели и кричали в особняке виконта Фредди с самого утра. Вообще-то они должны были отправиться на церемонию венчания уже четверть часа назад, но невеста была все еще не готова.

Мамаша Ирины по первому зову дочери заспешила наверх, а Вика, пользуясь заминкой, вынула мобильный и задала в поисковик то, что так терзало ее.

Барон Ренфрю.

Она ожидала, что увидит фото Питера – вероятно даже, в компании какой-нибудь подружки-баронессы, однако вместо этого отчего-то лицезрела фотографии пожилого мужчины с невыразительным лицом. Нажав первую ссылку, она перешла на статью о принце Уэльском, старшем сыне британской королевы.

Странно, отчего поисковик выплюнул ей сына королевы, который был в свое время женат на легендарной «королеве сердец», погибшей много лет назад в автомобильном туннеле, фотографии которой тоже появились в качестве ответа на ее запрос. «Королеву сердец» Вика, конечно, знала – разумеется, *не лично*, но, даже не увлекаясь подобного рода новостями, она множество раз видела изображения краси-

цы блондинки принцессы Уэльской и была в общих чертах в курсе ее трагической судьбы.

Вика пролистала статью, не понимая, отчего произошел сбой. Она не хотела получить информацию о принце Уэльском, бывшем супруге трагически погибшей «королевы сердец», но именно его поисковик упорно выдавал ей и во второй, и даже в третий раз.

Внимание Вики привлекла одна из нижних ссылок, в которой перечислялся полный титул этого самого принца Уэльского. Надо же, оказывается, он не только принц, как она считала (хотя ранее *никогда* не задумывалась над подобными вещами), но и одновременно герцог Ротсейский, граф Каррик, лорд Островов и...

Барон Ренфрю.

Девушка пролистала страничку с информацией и убедилась в том, что отдельного баронского рода Ренфрю в Британии (хотя титул был шотландского происхождения) уже давным-давно не существовало. Этот титул много столетий назад перешел к королевскому дому и был составной частью аристократической номенклатуры наследника престола.

Но как же тогда Питер мог быть бароном Ренфрю?

– Вичка, девочка, мы выходим! – вырвал ее из размышлений сладкий голос Ирины, вплывшей в гостиную: она была в чем-то белом, воздушном, фееричном, с массивной бриллиантовой тиарой на голове: ни дать ни взять *сказочная принцесса*.

Ну, или виконтесса Грейсток.

Вика, улыбнувшись, поднялась с дивана и от чистого сердца сказала:

– Ты подлинная красавица, Ирочка! И выглядишь лучше любой «королевы сердец»!

Ирина, зардевшаяся, произнесла:

– Ах, ты в самом деле так считаешь? Одно дело, когда это говорит мамочка или сестренка, а другое, когда ты, Вичка. Потому что ты никогда не обманешь, ты такая честная, такая правильная...

Такая честная, что целовалась на задворках ночного клуба с бароном, а подруге ничего об этом не сказала. Впрочем, зачем? Ведь все закончилось – уже завтра она улетит обратно в Питер, и все забудется, как волшебный сон.

Забудется?

Вика была рада, что оказалась вовлеченной в свадебную суету – так, по крайней мере, у нее не было времени думать о Питере.

А он не шел у нее из головы.

Добредя до отеля, она послала на мобильный сообщение Ирине, что устала и вернулась к себе, и что они не должны о ней беспокоиться, и что желает им отличного завершения девичника.

Потом Вика долго лежала в темноте, чувствуя, что устала, однако не в состоянии заснуть. И сама не знала отчего.

Или, быть может, *отлично знала?*

Наконец под утро, когда уже начало светать, она забылась сном, хотя у нее была возможность, так и не сомкнув глаз, выйти на пробежку и снова совершить моцион в Гайд-парке.

Она этого *не сделала*, а вместо этого, все же заснув, проснулась с головной болью в начале девятого и, приняв наскоро душ, отправилась вниз на завтрак.

Ровно в десять ее забрало заказанное виконтом Фредди такси и доставило в особняк, где уже полным ходом шли приготовления к свадебному торжеству. Для этих целей под Лондоном было снято целое викторианской постройки поместье в неоготическом стиле с капеллой – своего у виконта Фредди давно не было, он предпочитал жизнь в Лондоне, в непосредственной близости от своей фирмы в Сити.

Ирина была в отличном настроении и, несмотря на то что, по собственным словам, только прикорнула на часок, выглядела потрясающе свежо и просто обворожительно. Что, впрочем, объяснялось не только ее хорошей физической формой или генами, а мастерством визажистки, парикмахера и маникюрши, которые одновременно колдовали над восседавшей в старинном, подобном трону, кресле будущей виконтессой, облаченной только в васильковый пеньюар.

– Фредди, как и полагается жениху, должен провести ночь вне дома, в отеле. Он прибудет в капеллу со своей компанией. Думаю, ведь будет правильно, если заставим его немного подождать?

Мамаша Ирины, уже облаченная в нечто ящерично-зеленое, с абсолютно невероятной шляпой на голове и гигантскими изумрудами вокруг шеи, давала советы:

– Доченька, конечно, надо, чтобы подождал, но и перебарщивать нельзя...

Вика, оставив матушку и дочку одних (впрочем, в окружении придворной свиты и тех, кто делал из Ирины сказочную принцессу, вернее, *британскую* виконтессу с *российскими* корнями), тактично вышла из просторного будуара подруги.

Вика была облачена в скромный светло-желтый деловой костюм, впрочем, от известного дизайнера – купила его пару лет назад и ни разу не надевала, так как все сделки в компьютерной сфере заключались в джинсах, майках и кроссовках.

Однако, следуя установленному Ириной дресс-коду (*исключительно* пастельные тона!), Вика сделала все так, как от нее ожидали. Хотя, конечно, отказалась от идеи взгромоздиться на высоченные шпильки и водрузить на голову некое подобие диадемы – в отличие от сестры Ирины и ее кузины. Кажется, стремясь походить на родственниц британской виконтессы, они пересмотрели все диснеевские мультфильмы про принцесс и заказали портным одеяния именно в этом *диснеевском* стиле.

– Мы сейчас выходим! – провозгласила Ирина, и по ее команде служанка Мюриэл распахнула дверь особняка.

– Мамочка, я в этом платье не пролезу! – простонала Ири-

на, а мамаша заявила:

– Дочка, а ты бочком, бочком, и без силы. Ну вот видишь, пролезает! Мамочка была права. Ах, ты моя виконтесса...

Вике стало смешно, потому что она представить себе не могла: как можно застрять в весьма широкой двери, даже будучи облаченной в тяжелое подвенечное платье? Однако, похоже, Ирине требовались подробные мини-инциденты для того, чтобы насладиться каждым моментом своей свадьбы, которая, как помнила Вика, была апофеозом долгих лет *стратегического планирования*, поэтому она сдержала улыбку.

Невеста вместе с мамашей погрузилась в «Роллс-Ройс», на этот раз *белый*, а прочие сопровождающие лица – в специально нанятые черные джипы, следовавшие за ним. Вика, усевшись у окна, вставила наушники и включила все еще терзаемую ей начитку книги о «черных дырах».

Свадебный кортеж виконтессы Грейсток тронулся в путь. После достаточно долгого путешествия по Лондону и вечного ожидания на светофорах наконец замелькали предместья. Поездка длилась не так уж долго, однако Вика успела даже прикорнуть – все же сказывалось напряжение вчерашнего дня.

Да и тайные приключения уже дня сегодняшнего.

Она открыла глаза, заслышав громкие голоса и понимая, что они остановились. Автомобили были припаркованы на территории большого поместья, главным украшением кото-

рого был сказочный замок в готическом стиле, хотя, как отлично знала Вика, это был не древний замок: таковых, да еще около Лондона, почти не осталось, если не считать королевской резиденции в Виндзоре. Это же была постройка второй половины девятнадцатого века, так сказать, готический *новодел*, от которого тогда все были без ума, в особенности стремительно богатевшие промышленники и финансисты, один из которых при королеве Виктории и выстроил сей импозантный замок.

Никакой дворянской семье он никогда не принадлежал, а в течение последних лет являлся собственностью международного консорциума, который сдавал замок для особых мероприятий и планировал переоборудовать в скором будущем под премиум-отель для азиатов-толстосумов.

Однако Ирина хотела, чтобы ее свадьба проходила в *совершенно сказочном* месте, и так как напоминавший диснеевские резиденции замок соответствовал представлениям провинциальной девочки об этом самом «сказочном месте», то выбор остановили именно на нем. Как поняла Вика, виконт Фредди предпочел бы что-то *менее* броское и *более* британское, однако спорить с будущей супругой не стал.

Их встречал хор балалаечников в пестрых, *якобы русских* национальных костюмах, и Вика, вздохнув, покорилась неизбежному.

Бракосочетание происходило в большой, украшенной разноцветными витражами капелле, хотя вся ирония заклю-

чалась в том, что это было не венчание, а гражданская церемония, однако обставленная так, *как будто* это было венчание.

Ирину к алтарю (где ожидал ее не священник, а работник мэрии) проводил специально нанятый лихой военный в шикарном мундире, с массой орденов и умопомрачительными усами. Вика даже подозревала, что это никакой не военный, а просто актер, отлично исполнявший роль бравого вояки, но думать о таких вещах в столь важный для подруги момент было просто грешно.

Вообще-то отец Ирины был жив-здоров, однако мамаша, с ним давно расставшаяся и ненавидевшая его до ужаса, заявила, что, если дочка пригласит на свою свадьбу папаню, тогда не приедет она. Поэтому роль отца и сыграл военный, точнее, импозантный актер, исполнявший роль военного.

Вика, занявшая один из последних рядов в капелле, отметила, что Ирина держится с небывалой грацией и явно волнуется, хотя сама разрабатывала каждую деталь этого пусть и помпезного, но в чем-то трогательного действия.

Видимо, все же одно дело – *стратегически планировать*, а совсем другое – *воплощать это в жизнь*.

Публика была в основном русскоязычная, разряженная в пух и прах, и только изредка попадались британские друзья виконта Фредди (тот в строгом фраке, с цветочком в петлице, выглядел тем, кем он, собственно, и был: *девятым виконтом Грейстоком*). А в том же ряду, что и Вика, только

с другой стороны прохода, восседал улыбавшийся ей своей волчьей улыбкой банкир Майкл.

Вика, кивнув Майклу, отвела взгляд. *Поскорее бы все это закончилось.* Она была рада за подругу, вернее, тому, что ее мечты наконец осуществились. И Ирина, теперь вполне официально превратившись в виконтессу, займется тем, чем виконтессы, собственно, и занимаются.

Чем именно занимаются виконтессы, Вика не имела представления и не испытывала по этому поводу ни малейшего сожаления.

После того как Ирина взяла в мужа Фредди, а Фредди взял в жены Ирину (таких фраз вообще-то не требовалось, но Ирина настояла, чтобы они были), с прочувственной речью к гостям обратилась матушка виконтессы Грейсток.

Заслышав что-то о тяжелой доле матери британской виконтессы, Вика быстрым движением вставила наушники и включила начитку книги о путешествиях во времени по «черным дырам». Все лучше, чем заунывная пошлятина из уст свекрови девятого виконта Грейстока.

Интересно, а как бы прошла *ее собственная* свадьба – например, с Питером, бароном Ренфрю?

Хотя никакой он не барон Ренфрю, как уже поняла Вика, а просто великосветский обманщик, прикрывавшийся несуществующим титулом. Точнее, титул существовал, однако был частью титула принца Уэльского, к которому бородач Пит – и в этом не могло быть *ни малейших сомнений* – ника-

кого отношения не имел.

Но зачем он тогда ей соврал? Или никакой он не барон и не лорд, а простой британский парень, решивший, однако, что если он назовется аристократом, то сумеет вскружить голову *русской дурехе*?

Значит, она произвела на него впечатление русской дурехи?

Что *русская*, это без сомнения, но уж явно не *дуреха!*

Чувствуя, что ужасно разозлена на этого самого Питера, который, не исключено, вовсе даже *и не Питер* (кто его там знает!), Вика ощутила, что на глаза наворачиваются слезы. Не хватало еще, чтобы все подумали, что такое воздействие на нее оказала речь мамыши Ирины, которую она и не слышала.

Осторожно смахнув слезу, Вика увеличила громкость начитки. И поняла, что не может перестать думать о Питере.

Она бы могла задать ему вопрос о его титуле (хотя ее *совершенно* не занимал его титул – дело было *абсолютно в ином!*), однако она ведь сама ушла от него, причем уже во второй раз!

И даже не знала, как его найти. И даже интернет не мог ей помочь, что было делом уж совершенно небывалым.

Кем же тогда был этот бородач Питер – точно не бароном Ренфрю. И был ли он *вообще* Питером?

Раздалась громкая музыка, кажется, что-то монументальное из Генделя, жених и невеста, точнее, уже *муж и жена*,

а если быть совсем точным, *виконт и виконтесса* Грейсток, раздаривая улыбки направо и налево, держась за руки, двинулись от алтаря к выходу из капеллы.

Вика снова встретилась взглядом с банкиром Майклом, и тот опять одарил ее сияющей улыбкой, а затем приложил к уху палец.

Ну конечно, она ведь забыла вынуть наушники!

Резко их выдернув, Вика, как и все прочие гости, принялась аплодировать медленно проплывавшей мимо нее паре. Раздались громкие рыдания – это мамаша новоиспеченной виконтессы, то ли в приступе истерического пароксизма, то ли банально играя на публику (не исключено, что с полной физической отдачей исполняя отведенную ей по написанному Ириной сценарию *роль*), заливалась слезами, поддерживаемая под руки второй дочерью и племянницей.

Раздался даже серебряный звон колоколов, и через распахнутые ворота в капеллу влился яркий майский свет. Вика, который выпало идти одной из первых за четой новобрачных, старалась не наступить на длиннющий шлейф свадебного платья виконтессы и уворачивалась от конфетти, которым осыпали процессию со всех сторон.

Вдруг Ирина повернулась и, улыбаясь, произнесла:

– А теперь самый важный для вас момент. *Ловите!*

И кинула в шествовавшую за ней процессию небольшой букет из белых и желтых роз, которые держала в руках.

Вика не намеревалась ловить цветы, она даже и думать

забыла о том, что Ирина сделает этот жест, хотя будущая виконтесса подробно объясняла подругам во время ленча в «Хэрродс», где и когда она кинет букет, поэтому полной неожиданностью для Вики стало, что букет ударился ей в грудь, и она инстинктивно схватила его.

– Вика следующая выйдет замуж! – провозгласила Ирина, а Вика быстро сунула букет надувшейся московской подружке Ирины – наверняка он предназначался именно ей, просто виконтесса, утомленная тяжестью бриллиантовой тиары (взятой, впрочем, *напрокат*, однако с *настоящими* камнями), не рассчитала силы и метнула букет не туда.

Московская подруга была любовницей какого-то важного чиновника из Минэкономразвития и все мечтала, что тот наконец разведется со своей старой мегерой и возьмет в законные супруги ее. Поэтому поймать букет было для нее делом жизни и смерти. Точнее, *свадьбы и статуса любовницы*.

– На, это твой, конечно! Я его для тебя поймала. Точнее, не поймала, а помешала тебе поймать. Еще раз извини...

Любовница важного чиновника из Минэкономразвития буквально вырвала у Вики букет, прошипев что-то *весьма* нелицеприятное, а Вика услышала голос банкира Майкла у себя за спиной:

– О, как теперь понимаю, вы выйдете скоро замуж? Думаю, мы должны за это с вами выпить!

Вика, пробормотав, что ей надо поздравить виконтессу, улизнула от него самым трусливым образом. Другие бы на

ее месте бросились в объятия банкира Майкла, который и человеком был интересным, и к тому же *ужасно богатым*, но...

Но ей не хотелось терпеть его ухаживания, вести с ним беседу, дарить ему надежду.

Однако, собственно, *почему?*

Она снова подумала о Питере.

После процедуры бракосочетания имел место банкет в неоготическом замке, куда по парку, благоухавшему первыми розами, и отправились гости. Однако около самого замка, за витой чугунной решеткой, отделявшей его от дороги, происходило что-то странное: там толпились журналисты, причем, кажется, не один и не два, а несколько десятков, если даже не *сотен*.

Вика задумалась: хотя сама Ирина и упорно называла свою свадьбу событием сезона, таковым она, конечно же, не была. То, что девятый виконт Грейсток *третьим браком* сочетался узами Гименя с русской красавицей, в светской хронике напишут – однако на *шестой* странице, в *предпоследнем* абзаце. Ни виконт не был такой уж знаменитой личностью, ни тем более сама Ирина. Светский курьез, не более того.

То, что Ирина страстно *хотела бы*, чтобы ее свадьбу освещали ведущие СМИ, было понятно, она, вернее, виконт Фредди, мог бы нанять для утешения жены пару-тройку жур-

налистов, которые бы, щелкая фотоаппаратами, создавали видимость интереса со стороны британской прессы.

Ну, может даже, не пару-тройку, а *целую дюжину*. Но уж точно не *две сотни!*

А примерно столько и торчали за оградой замка, усиленно заработав фотоаппаратами при появлении свадебной процессии.

Вика услышала, как Ирина обратилась к супругу:

– Ах, Фредди, ты такой молодец! И как ты сумел организовать эту медиальную вакханалию! Тут их столько, как будто замуж выходит «королева сердец», а не обычная виконтесса!

Может, это просто безработные актеры, игравшие роль репортеров? Но даже в таком случае это обошлось бы Фредди в круглую сумму, да и вряд ли бы он стал устраивать подобный фейк-ивент: впоследствии конфуз был бы большой.

– Нет, дорогая, я не имею к этому отношения. Думаю, они прибыли сюда по собственной воле...

Ирина, на голове которой качнулась бриллиантовая тиара, воскликнула:

– Господи, они все ради меня? Тогда впустите их, впустите немедленно!

Фредди попытался что-то возразить, указывая на то, что это неразумно, но спорить с женой, в голосе которой прорезались истерические нотки, не стал и только махнул секьюрити, дежурившим у ворот.

«Люди в черном» медленно распахнули витой чугунный портал.

Ирина приосанилась, взяла мужа-виконта под руку и громко произнесла:

– Прошу всех отойти в сторону! Они ради меня и Фредди! Уж не обессудьте...

Репортеры, отталкивая локтями друг друга и чуть ли не идя по головам своих товарищей по цеху, подобно сверкающей фотовспышками реке, хлынули на территорию поместья.

Однако, к большому удивлению и разочарованию Ирины, репортеры напрочь игнорировали ее, новоиспеченную виконтессу Грейсток, как, впрочем, и ее супруга. Вместо этого они окружили кого-то, шествовавшего за ней.

Это бросилось в глаза и Вике – отчего-то репортеры бросились к кому-то, кто шел за ней. Засверкали вспышки, ослепившие ее.

Но ради кого же собралась вся эта несносная медиатолпа?

Вика, подобно всем другим, обернулась и, вытягивая шею, постаралась разобраться, кто же приковал к себе пристальное внимание журналистов. Яркость вспышек нарастала, их количество усиливалось, сила стрекота была просто невыносима.

И внезапно девушка поняла, что все тарашатся не на кого-то, кто шел за ней, и уж точно не на чету Ирины и Фредди, а на единственного человека – *ее саму*.

Не сомневаясь, что произошла ошибка, Вика локтем закрыла лицо, потому что вспышки ослепляли ее, сводили с ума, не давали двигаться.

Но тут дополнительно к вспышкам градом посыпались вопросы:

– Скажите, вы официальная новая подруга принца Джоки? Вы с ним пара? Где вы с ним познакомились? Вы уже были представлены принцу Уэльскому и ее величеству королеве?

И даже:

– А как он целуется?

Абсолютно ничего не понимая, Вика не сомневалась в одном: имела место какая-то чудовищная, совершенно фантазмагорическая *ошибка*. По всей видимости, все эти репортеры приняли ее за кого-то другого, спутали ее, насколько можно было судить по их вопросам, с подружкой этого самого принца Джоки, младшего сына принца Уэльского, в свите которого находился Питер.

Может, подружка принца тоже была приглашена на свадьбу Ирины, со стороны жениха, а репортеры отчего-то накинулись на нее, подругу невесты из России? Неужели они такие тупые и не смогли разобраться, что к чему и кто подлинная подружка этого самого принца Джоки.

Только вот кто, черт побери, мог ею быть?

Вика обернулась, не сомневаясь, что истинная подружка находится где-то рядом, однако вдруг поняла, что репортеры

обложили ее со всех сторон и взяли в кольцо.

И внезапно до нее дошло: все вопросы были адресованы *лишь ей*, фотографировали *только ее*, и никого больше. И отчего-то все были уверены, что подружкой этого самого принца Джоки, которого она в глаза не видела и знать не знала, была именно она, Виктория Романова из Санкт-Петербурга, прибывшая на несколько дней в Лондон на свадьбу своей подруги-виконтессы.

Град вопросов усилился.

– Какие у вас планы? Вы намерены пожениться? Принц Джоки уже предлагал вам руку и сердце? Или вы его случайное знакомство? Что вы о нем думаете, Виктория?

Прозвучало ее имя, и Вика вздрогнула, потому что все еще пребывала в уверенности: это грандиозная, кошмарная *путаница*. И вся эта медиасаранча напала на нее, элементарно перепутав с подружкой этого самого принца.

Только вся проблема заключалась в том, что никакой такой особы, которая бы по положению, статусу и возрасту годилась в подружки принца Джоки, на свадьбе Ирины просто не было. Ее сестра и кузина или московские подруги не могли быть таковыми по определению, как, впрочем, и шестидесятилетняя мамаша. А немногочисленные британские дамы, присутствовавшие на свадьбе, были или давно и успешно замужем, или, даже если нет, давно разменяли четвертый, а то даже и пятый десяток.

Хотя для того, чтобы стать подругой этого самого прин-

ца, источника всех ее бед, это препятствием, конечно же, не было.

Последовали новые вопросы, некоторые из которых были ужасно интимного свойства, и Вика закричала:

– Оставьте меня в покое! *Я ничего не знаю!*

Осознав, что произнесла это по-русски, она повторила это по-английски, а потом попробовала прорвать кольцо журналистского окружения. Репортеры нехотя расступились, пропуская ее, и Вика поняла, что свадебная процессия давно превратилась в сторонних наблюдателей, что многие гости, тарасившиеся на то, как стая репортеров напала на нее, достали свои мобильные и фотографировали это ужасное действо.

А Ирина, бледная, как полотно, едва сдерживала рыдания, потому что никто не уделял ей внимания, полностью разрушив сценарий ее свадьбы.

Вика бросилась к ней, чтобы объяснить – хотя сама не знала, *что именно* надо объяснять, однако особо ретивые репортеры снова взяли ее в кольцо, задавая одни и те же ужасные вопросы, на которых у Вики не было ответа.

Все это длилось от силы несколько минут, которые, однако, представились Вике целой вечностью. Наконец секьюрити по команде виконта Фредди отреагировали и стали выталкивать журналистов за ворота, что сделать с учетом их количества, явно превосходящего силы нескольких телохранителей, было почти нереально.

Прорвавшись к Ирине, Вика зашептала:

– Они словно с ума сошли... Прямо как с цепи сорвались.

Я не понимаю, что они от меня хотят...

Ирина, заплакав, швырнула ей в грудь скомканную лайковую перчатку и отвернулась, причем так неудачно, что ее бриллиантовая тиара съехала набок. Вика попыталась удержать подругу, однако путь ей преградил насупленный виконт Фредди.

– Извини, но тебе лучше оставить в покое мою жену. Потому что столь незабываемый для нее день полностью уничтожен – *тобой!*

Чувствуя, что на глаза навернулись слезы, Вика растерялась: что это значит – *уничтожен ею? Не она* привела сюда этих сумасшедших репортеров, *не она* впустила их на территорию поместья.

Так почему виновата тогда *именно она?*

Мамаша, сестра и кузина, подхватив Ирину, потащили ее по направлению к замку, а Вика, глядя им вслед, ничего не понимала. И снова ее окружили репортеры, которых еще не успели выпихнуть за ограду, опять посыпались вопросы, на которые у нее не было ответа. И все было связано с этим самым принцем Джоки.

Да пропади он пропадом, этот принц Джоки!

Внезапно кто-то взял растерявшуюся Вику под руку и энергично потащил в сторону замка. Она заметила, что это

банкир Майкл, сквозь зубы приказавший:

– Не сопротивляйтесь! Отсюда надо уходить, иначе они вас растерзают! Это прямо как в Древнем Риме, когда на арену амфитеатра голодным хищникам выталкивали христианскую святую!

Им повезло: охрана перегородила аллею, которая вела к замку, и журналисты наконец-то остались позади. Когда они достигли изогнутой лестницы, Вика дала волю чувствам и разрыдалась.

Банкир Майкл, надо отдать ему должное, ситуацией не воспользовался и прижимать девушку к себе не стал. Вместо этого он вручил ей упаковку бумажных носовых платочков и, уводя куда-то вбок, под лестницу, толкнул первую попавшуюся дверь, и они оказались в небольшом пустом помещении, в котором были накрыты столы, за которыми, к счастью, никто не сидел.

Продолжая плакать, Вика прошептала:

– Но что это было? Почему они набросились на меня? Отчего они атаквали меня? Как будто... Как будто я подружка этого чертового принца!

Банкир Майкл, внимательно посмотрев на нее, сказал:

– Только не говорите, что вы не знаете!

Вика, от неожиданности и злости даже забыв о том, что по щекам текли слезы, выпалила:

– Что вы хотите сказать? Конечно, не знаю! Просто понятия не имею!

Майкл, вздохнув, качнул головой и протянул ей мобильный, на экране которого Вика увидела логотип газеты «Дейли кроникл» и огромную надпись кроваво-красными буквами: *«Эксклюзив: новая подружка принца Джоки. Он целуется с ней на задворках самого крутого лондонского клуба. Ее зовут Виктория Романовфф, она русская, родственница последнего царя и, возможно, шпионка КГБ?»*

А под этим совершенно дурацким заголовком Вика увидела фотографию, на которой была запечатлена *она сама*, целовавшаяся с Питером у черного хода клуба «Ад и рай».

– Откуда это у них? – прошептала она внезапно севшим голосом.

– Думаю, камеры наблюдения зафиксировали, – ответил банкир Майкл. – Вот, если нажать, то можно увидеть больше...

Он нажал на кадр, и на экране пошел фильм в несколько секунд: как Вика роняет что-то на асфальт (*перчатки и наушники!*), как Питер и она бросаются поднимать это, как он целует ее, как потом прекращает и как она сама целует его...

Чувствуя, что у нее пылает лицо, Вика вскричала:

– Но это же вторжение в личную жизнь! Какое они имеют право публиковать такое?

И осеклась. Она заметила серьезное выражение лица Майкла – и только сейчас ей стало понятно, как, должно быть, ему неприятно видеть такое: он ведь днем раньше флиртовал с ней, кажется, строил весьма далеко идущие пла-

ны, а она на следующий день целуется и обжимается с другим.

С Питером!

Но *вот именно*: с Питером, а не с этим несносным принцем Джоки, которого он сопровождал в элитный клуб на день рождения какой-то юной герцогини. Значит, репортеры что-то перепутали, напортачили, но *как же так?*

– Я подам на них в суд! – заявила Вика, успокаиваясь, однако стараясь не смотреть на Майкла, потому что ей было ужасно стыдно. Несмотря на все, он держал удар отлично, как истинный джентльмен, хотя и без британского подданства и *титула*, однако встречаться с ним глазами Вика не хотела.

– Они за это ответят! Ну да, я... Я целовалась с этим молодым человеком, бароном Ренфрю, и что из этого? Этот прекрасный принц Джоки, которого он, как и куча других представителей «золотой молодежи», сопровождал в клуб, в это время был совершенно в ином месте. Как они могли перепутать Питера с принцем, или они что, *так похожи?*

Тут Вика поняла, что не имеет понятия, как выглядит этот самый принц Джоки: вся эта светская мишура никогда ее не занимала. Кажется, последний раз она видела принца Джоки и его старшего брата подростками, на кадрах более чем двадцатилетней давности, обошедших весь мир, когда они, понулив головы, следовали за лафетом, на котором в солнечный сентябрьский день по Лондону транспортировали по-

крытый штандартом гроб с телом их погибшей в автокатастрофе матери, «королевы сердец», принцессы Уэльской.

Банкир Майкл, ничего не отвечая, только ткнул пальцем в дисплей смартфона, и перед ней возникло изображение Питера – в красной военной форме, золотых эполетах и с орденской планкой. Вика поняла, что это статья из Википедии. И она была посвящена принцу Джону, младшему сыну принца Уэльского, наследника британской короны, и его легендарной жены, ныне покойной «принцессы сердец».

Автоматически обратив внимание на то, что принц на два года младше ее самой, Вика закричала:

– Это что, фейковая страница? Ну да, это же Питер, тот самый молодой человек, с которым я целовалась. Но это никакой не принц Джоки!

Банкир Майкл молча снова ткнул в дисплей, и перед ней вылезли результаты поиска по запросу «принц Джоки». Таковых было более трехсот семидесяти девяти миллионов, и на фотографиях, которые также высветились на странице, она могла лицезреть в разных одеяниях, в разных позах, на различных фонах, чуть помоложе и постарше, с бородой и без оной одного человека: *Питера*.

Ошеломленная, Вика таращилась на дисплей, не зная, что сказать и что предпринять. И только тихо пробормотала:

– Поверь мне, Майкл, я ведь и понятия не имела, кто он...

Банкир, убирая мобильный, произнес:

– Верю. Однако не думаю, что тебе поверят другие. Но

это даже второстепенно: теперь ты та самая русская, с которой принц Джоки целовался на задворках лондонского клуба. «Дейли кроникл» – самая кошмарная желтая газетенка Британии, а накропавший эту статейку Шон Фэллоу, которого я имею несчастье шапочно знать, – самая мерзкая крыса канализационной журналистики.

– *Какой-какой?* – проронила Вика, все еще не в состоянии оправиться от удара и собраться с мыслями. И реализовать то, что Питер, этот самый бородатый Питер, и был принцем Джоки, сыном принца Уэльского, родным братом наследника британского престола № 2 и внуком ее величества королевы.

– Канализационной. Ну, той самой, которая специализируется на слухах, сплетнях и презентации на публике чужой личной жизни... Этот Фэллоу – ужасный тип, который жаждет только двух вещей: славы и денег, причем именно в этой последовательности. А реальную славу и бешеные деньги он сможет сделать здесь, в Британии, только на одном: *на королевской семье!*

Вика уставилась на банкира Майкла и вдруг подумала, что если он не скрывает того, что знает этого мерзкого журналиста, Шона Как-Его-Там, то, не исключено, он сам и дал ему наводку, а теперь разыгрывает участливого друга.

– И что теперь? – произнесла она дрогнувшим голосом, отгоняя от себя эту нелепую мысль, которая тем не менее, словно заноза, засела в голове. Ведь кто-то дал наводку, ведь

кто-то сделал так, чтобы о ее поцелуе с Питером, точнее, принцем Джоки, стало известно журналюгам.

Причем крайне оперативно.

Майкл холодно, только кончиками губ, усмехнулся:

– Здесь тебе делать больше нечего. Свадьба нашей викон-тессы, увы, испорчена безнадежно.

– Ирина мне никогда этого не простит... – прошептала Вика, чувствуя, что слезы снова наворачиваются у нее на глазах.

Банкир Майкл взял ее за руку.

– Никогда не говори «никогда» – это мой девиз по жизни. Ну, случившееся теперь все равно уже не изменить. Думаю, подруга простит тебя, если ты станешь официальной подружкой принца Джоки, и даже подпрыгнет от радости до потолка, если ты пригласишь ее на закрытую вечеринку с твоим новым другом...

Тон у него был ровный, однако чувствовалось, что Майкл обижен – *крайне* обижен.

– Никакой он мне не новый друг! – закричала Вика. – Да, я поцеловалась с ним, это так, однако я понятия не имела, кто он такой! Он сказал, что его зовут Питер, что он барон Ренфрю и что он сопровождает этого треклятого принца в клуб, не более. Но он не говорил мне, что сам является принцем...

За окном возникла парочка репортеров, явно что-то вынюхивавших и разыскивавших Вику, и Майкл утянул девушку в глубь помещения.

– Я же сказал, что верю тебе, но вопрос в том, поверят ли тебе другие. Решат, что ты просто неуклюже прикрываешь свой бесстыжий интерес к внуку королевы, пытаешься строить из себя дурочку. Ведь, как ни крути, принца Джоки на островах знает в лицо любой и каждый, несмотря на то что он некоторое время назад решил отрастить себе бороду.

Вика топнула ногой.

– Я не знаю! Что *без* бороды, что *с* бородой. Меня такие вещи не занимают, вся эта светская мишура для идиотов наподобие...

Она запнулась, а Майкл продолжил:

– Наподобие нашей виконтессы, хочешь сказать? Повторю в третий раз: я тебе верю, но, вероятно, я один из немногих, кто способен в это поверить.

– Я хочу улететь обратно в Питер! *Немедленно!*

И поняла, что билет на обратный рейс у нее только на завтра, на понедельник.

Майкл, осматриваясь по сторонам, произнес:

– Думаю, это можно устроить. Ты ведь сказала, что улетаешь завтра? Можешь, конечно, купить новый билет, однако теперь вся Британия в курсе, как тебя зовут и как ты выглядишь.

И, усмехнувшись, добавил:

– И что ты родственница последнего русского царя и, вероятно, *шпионка*.

От злости слезы у Вики моментально просохли, и она за-

кричала:

– Ну да, конечно, раз Романова, царских кровей! Фамилия у нас в России ведь, конечно, *очень и очень редкая!* И да, шпионка, перед поездкой получала инструкции прямо в штаб-квартире КГБ на Лубянке, как окрутить принца Джоки, стать его супругой и вместе с ним усесться на британском престоле!

– Ты *из Питера*, не забывай, а это тоже весьма подозрительно, – добавил с циничной усмешкой Майкл, а в голове у Вики возник дурацкий стишок «*Дурочка Вика из Питера целовалась с принцем Питером!*»

Ну, или с принцем Джоки. Только, черт побери, если он официально *принц Джон*, он же в просторечье *принц Джоки*, то почему он тогда еще и *Питер*?

Однако это было последнее, что занимало Вику в этот момент.

– Ну да, как я могла упустить из виду еще и *это!* – заявила девушка уныло и уточнила: – Значит, стоит мне появиться в аэропорту, как на меня накинутся все эти журналюги?

Майкл кивнул:

– Боюсь, что да. У журналюг везде свои контакты. И стоит тебе заказать билет на имя Виктории Романовой, как они тотчас получают по своим каналам сигнал. Тем более у них и среди работников аэропортов и даже пограничной службы есть свои информаторы.

– Но тогда я что, *в ловушке?* – воскликнула Вика.

– Ну, разве я не говорил, что у меня имеется собственный самолет и лицензия пилота? – ответил Майкл. – И что я сочту за честь доставить тебя частным рейсом обратно в Петербург в любое удобное тебе время!

Ошеломленная, Вика с благодарностью взглянула на Майкла, и внезапно в душе у нее зашевелился червячок сомнения.

Он ей помогает, потому что искренне сопереживает – или делает это с каким-то тайным расчетом? Он ведь сам признался, что знает этого Шона Как-Его-Там, значит, не исключено, это грандиозное предложение о пролете на частном самолете в Питер всего лишь выдумка.

– Я... Я не знаю... – произнесла девушка, в самом деле не зная, что и сказать. В этот момент рыскавшие под лестницей журналисты вдруг узрели их в глубине зала и бросились туда. Дверь была не закрыта, а только прикрыта, и сразу пять или шесть репортеров, щелкая камерами, ввалились в помещение.

– Виктория, дайте нам эксклюзивное интервью! Вы официальная подружка принца Джоки или «знакомство на одну ночь»? У вас с ним уже был секс? Правда ли, что вы прибыли в Британию по заданию российских спецслужб, чтобы проникнуть в окружение королевской семьи? Вы правнучка одного из Романовых, ведь так?

– Да, – закричала, чувствуя, что сходит с ума, Вика, – моего прадеда по линии отца, что отрицать нельзя, звали Ро-

мановым, Архипом Кузьмичом! Только он не был ни царем, ни его братом, ни даже его *кузеном!*

Майкл бросился к журналистам с явным намерением задержать их, процедив:

– Не вступай с ними в перепалку, все равно извратят каждое твое слово. А теперь уходи. Встречаемся через пять минут на стоянке, за замком...

Вика бросилась в боковую дверь, понятия не имея, куда она ведет, и оказалась в пустынном коридоре. Похоже, зря она подозревала Майкла в неблагоприятных вещах, он бескорыстно помогает ей.

Точно ли *бескорыстно*? И так ли *помогает*?

Устремившись по коридору внутрь замка, Вика вышла в большой холл и заметила опустившуюся в своем сказочном платье на мраморный пол Ирину, громко рыдавшую. Около нее суетились мамаша, сестра, кузина и московские подружки, а виконт Фредди с отрешенным видом стоял поодаль, крутя в руках вынутую из петлицы гвоздику.

– Она испортила мне лучший день в моей жизни! – стонала Ирина. – Я бы убила эту мерзавку, если бы она мне попалась...

Понимая, что речь идет не о ком-то постороннем, а *о ней самой*, Вика в ужасе нырнула обратно в коридор.

Ну да, *испортила*, сомнений в этом быть не может. И, что ужаснее всего, Ирина никогда не поверит, что произошло это не со зла, безо всякой задней мысли и совершенно слу-

чайно.

«Дурочка Вика из Питера целовалась с принцем Питером!»

Вика метнулась обратно, услышав в конце коридора возбужденные голоса – журналисты явно прорвали оцепление. Тогда она поднялась по внутренней лестнице куда-то наверх, снова бросилась по коридору, влетела в большой зал, едва ли на треть заполненный гостями свадебной церемонии, едва не сбила с ног официанта с подносом с бокалами шампанского, пробежала через весь зал, заметив краем глаза, как гости снимают ее на смартфоны, ворвалась через дверь на кухню, снова едва не сбила с ног другого официанта, вернее, официантку, опять же, с подносом с бокалами шампанского, чтобы, увернувшись от нее, все же врезаться в высоченного толстого повара, державшего в руках противень с чем-то воздушным и шоколадным. В результате чего противень с чем-то воздушным и шоколадным с грохотом полетел на пол, Вика извинилась (*по-русски!*), двинулась дальше, попала в другой коридор, опять едва не столкнулась с официантом, на этот раз с двумя подносами с бокалами шампанского, рванулась вперед, толкнула тяжелую дверь...

И оказалась с обратной стороны дворца, на большой террасе, где все было приготовлено для фейерверка.

Миновав сновавших между техническими приспособлениями рабочих, на нее, *слава богу*, внимания не обращавших, Вика по большой лестнице спустилась с террасы вниз и,

обернувшись, заметила неподалеку сверкавшие крыши дорогих автомобилей, выстроившихся в ряд среди аккуратно подстриженных тисов.

Вот она, *стоянка!*

Неспешным шагом, отдуваясь, Вика подошла к ней и удостоверилась, что Майкла там еще не было – конечно, она ведь оставила его один на один сдерживать журналистскую братию.

Вика заметила рыжего молодого человека в униформе, который тарашился на нее. А потом он робко вынул смартфон и навел его на Вику, явно желая сделать фотографию. Девушка быстрым шагом подошла к служителю стоянки, вырвала у него из рук смартфон и, выключив его, вернула владельцу.

– Советую никогда не делать фотографии людей, не заручившись их согласием. А моим вы не заручились.

Молодой человек с ужасом и благоговением смотрел на нее, а Вика спросила:

– Скажите, вы ведь в курсе, на каком транспортном средстве прибыл мистер Майкл...

Она осеклась, потому что поняла, что элементарно не помнит фамилию банкира Майкла.

Тут раздался громкий сигнал клаксона, и Вика, подскочив, обернулась. Она заметила черный «Бентли» и, погрозив молодому человеку пальцем, сказала:

– Вы меня тут не видели и, куда я делась, не в курсе. *Иначе*

направлю на вас КГБ! Вы меня поняли?

Молодой человек, бледнее смерти, судорожно кивнул и, обернувшись, неловко вскидывая колени, побежал прочь.

Вика подошла к «Бентли», задняя дверца которого была призывно распахнута, быстро залезла вовнутрь, и автомобиль тотчас взял с места. Через несколько секунд они покинули территорию поместья не через центральные ворота, а через въезд для поставщиков, около которого не было ни единого журналиста.

Откинувшись на мягкое кожаное сиденье, Вика заметила, что от шофера ее отделяет темная перегородка. Она постучала по ней и произнесла:

– Майкл, спасибо! И как это ты умудрился оказаться на стоянке быстрее меня? Ты что, двигался со скоростью, превышающей скорость света? Эйнштейн для нашей Вселенной исключал такую возможность, однако, согласно новейшим теориям, он был не прав. Думаю, мы обсудим это во время нашего полета в Питер.

«Дурочка Вика из Питера целовалась с принцем Питером!»

Не стоило, наверное, так травмировать рыжего британского парнишку-парковщика, который теперь до конца жизни будет бояться каждого шороха, ожидая, что на него оттуда выскочит киллер из КГБ, однако каждый верит в то, во что хочет верить.

Как все верят в то, что у нее роман с принцем Питером.

Ну, то есть *принцем Джоки*.

А что, *разве не так?*

Вика поежилась и решила, что думать об этом не будет. Питера, то есть Джоки, ну, или если быть *совсем официальным*, принца Джона, она никогда более не увидит – разве что с экрана телевизора или дисплея компьютера или смартфона. Однако все это позади: и принц Питер, и вся эта вакханалия, и даже испорченная свадьба виконтессы Грейсток, которая, в этом Вика не сомневалась, никогда ей этого не простит.

Как там сказал Майкл: *никогда не говори «никогда»?*

Испытывая к сидевшему за рулем Майклу чувство глубокой благодарности, Вика поняла, что *совершенно несправедливо* подозревала его в связях с этим самым Шоном Как-Там-Его и прочими представителями *канализационного журнализма*.

Но все равно: как же эти медиаразбойники так быстро узнали о ее поцелуе с Питером? Точнее, ни с каким не Питером, а принцем Джоки.

Будь он неладен!

Самое простое объяснение заключалось в том, что их кто-то видел, однако Вика была уверена, что никто их видеть не мог. А потом «слил» эту информацию Шону Как-Там-Его.

Или все же мог?

Понимая, что вполне сможет жить и дальше, так никогда и не получив ответа на этот животрепещущий вопрос, Вика

закрыла глаза, чувствуя, что разбита и ужасно устала. Скорее бы вернуться в Питер.

И забыть о Питере.

И поняла: банкир Майкл, в сущности, очень неплохой человек. Зря она им не заинтересовалась, а пленилась этим бородатым обманщиком, по совместительству внуком королевы.

Майкл, вероятно, будет ожидать продолжения их общения после того, как на своем самолете доставит ее в Питер, точнее, в *ее* Питер, однако вся суть в том, что ей хотелось одного – обо всем забыть и отдохнуть.

И уж точно не броситься с головой в новое любовное приключение с человеком, который ей нравился и сильно помог, но к которому она не испытывала ни малейших романтических чувств.

Вика снова стукнула в темную перегородку, ощущая себя виноватой за подобные гадкие мысли, и сказала:

– Майкл, еще раз огромное спасибо! Мне только придется заехать в отель, потому что у меня там остался паспорт. Из-за вещей я бы заезжать не стала, однако без паспорта, боюсь, меня не выпустят и не впустят. Однако я справлюсь за две минуты!

Перегородка бесшумно опустилась вниз, и Вика, вдруг осознав, что за рулем «Бентли», мчавшегося по трассе на солидной скорости, сидел вовсе не банкир Майкл, фамилии которого она не могла вспомнить.

А кто-то *совершенно иной*, тип с массивным бритым затылком и в черном костюме.

Он повернулся в ее сторону, и Вика вдруг поняла, что знает этого бритоголового атлета. Ну да, она видела его в Гайд-парке с Питером, то есть принцем Джоки, а потом в клубе, когда он не пустил ее в «рай».

Его *«спутник жизни»*.

– Мэм, прошу прощения, что пришлось прибегнуть к этому ухищрению, однако это была единственная возможность вывезти вас из того бедлама. Меня зовут Тони, и я телохранитель его королевского высочества принца Джона.

Не зная, что и сказать, Вика наконец выпалила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.